

Евгений Альтмайер

Страж
неидеального
мира

2019-й год. Оцу — уютный городок в огромной Японской империи, что вместе со своей союзницей Россией подмяла под себя огромные пространства Евразии. Штабс-капитан Александр Афанов прибывает сюда по делу о подделке документов. Кто такой странный молодой человек — Виктор Ванеев, оказавшийся здесь с диковинным паспортом неведомой Российской Федерации? Почему за ним и его спутницей охотятся враждебные союзу Российской и Японской империй американцы? Расследование ведет Александра к мрачной странице истории милого городка, о которой так не любят вспоминать сами японцы...

— Уважаемые пассажиры, добро пожаловать на станцию Оцу. Экипаж надеется, что пребывание в нашем поезде оставило приятное впечатление.

Александр негромко усмехнулся в густые пшеничные усы. Приятное, как же... То ли Япония все-таки окончательно сошла с ума, то ли происходящее для этой страны — суровая норма жизни, но каждая представительница прекрасного пола, завидев черный мундир и золотые погоны, немедленно задавалась целью запечатлеть фотографию с русским офицером. Скажете — приятная мелочь? В тот момент, когда вас возьмет в клещи стайка из двух десятков юных пигалиц, вы живо поменяете мнение на этот счет. Последние полчаса пути из Токио штабс-капитан Афионов вынужден был стоять насмерть под непрекращающимися вспышками фотоаппаратов и бесконечным хороводом юных леди, то ли возвращавшихся с каникул, то ли наоборот — Бог весть.

На фоне крохотных молодых японок тридцатипятилетний Афионов смотрелся былинным богатырем на пенсии. Впрочем, он и рядом с соотечественниками выделялся статью и мощным телосложением — абы кого в Охранную Канцелярию не берут.

Поезд бесшумно остановился, Александра легонько качнуло вперед. За окном раскинулся умиротворенный пейзаж провинциальной Японии. Кажется, будто и не мчался ты каких-нибудь десять минут назад на скорости, приличествующей скорее самолету, нежели железнодорожному составу. Штабс-капитан поднялся, подхватил с полки небольшой саквояж и двинулся к выходу. Пассажиры провожали его взглядами, в которых сквозило откровенное облегчение. Видимо, подавляющее большинство японцев шумиха вокруг офицера утомила как бы не сильнее, чем самого Афионова.

Двери, тихо пшикнув, распахнулись, внутрь поезда ворвался прохладный ветер, наполненный букетом терпких запахов. На выходе пришлось задержаться, помогая пожилой паре перетащить на перрон объемистый баул. Сухонький старичок степенно поблагодарил и, водрузив багаж на колесики, направился в сторону метро. Следом семенила совсем уж миниатюрная старушка, наградившая на прощанье Александра доброжелательным взглядом.

Слабо верится, что каких-то пятьдесят лет назад присутствие иностранца ввергало японцев в состояние, близкое к панике. Впрочем, подумал штабс-капитан, шагая по прогретому солнцем покрытию, окажись на его месте какой-нибудь француз или, того хуже, американец — симпатии во взглядах было бы куда меньше.

— Господин штабс-капитан? — Навстречу Афионову спешил японец в форме русского консульства. — Добрый день. Позвольте ваш багаж...

— Простите, не могу. Часть моего груза имеет гриф секретности. — Интересно, поверил или нет? Узкоглазое лицо осталось подчеркнуто-дружелюбным. Не рассказывать же служащему, что контрразведчик предпочитает таскать свои вещи самостоятельно. Носить чужие сумки следует лишь в том случае, если они принадлежат женщинам или старикам. Но объяснять это японцу Афионов не собирался. В лучшем случае запишет в чудаки, в худшем — расстроится.

— Разумеется. Прошу вас, следуйте за мной.

Миновав здание вокзала, офицер и сопровождающий вышли на улицу, погрузившись в размеренный и, одновременно, беспокойный городской гул. Япония оставалась Японией, ухитряясь совмещать в себе скользкие по безупречно ровной дороге машины с

сосредоточенными велорикшами. Неподалеку церемонно просеменила стайка девушек в традиционных кимоно. Афионов мысленно содрогнулся — а ну как давешний ад с непрекращающейся фотосессией пойдет на второй заход? Впрочем, опасение оказалось излишним — на этот раз его наградили лишь короткими взглядами. И в этом вся Япония. Современные технологии и нравы, способные ввергнуть в состояние шока самого развязного европейца, немислимым образом уживались с упертым консерватизмом. Как будто часть страны твердо для себя решила, что живет веке в девятнадцатом. А что там на этот счет полагают календари — всего лишь досадная и бессмысленная мелочь.

— Сюда, прошу вас, — повторил проводник, остановившись возле черной «тойоты» и распахнув перед Александром дверь машины.

Всю дорогу мысли Александра блуждали вдалеке от Оцу. Группа сотрудников Охранной Канцелярии прибыла в Японию вовсе не ради путешествий — вконец отчаявшиеся коллеги из кэмпэйтэй[1] запросили у союзников помощь в поимке Метеора. Тайнственный информатор ЦРУ, внедренный в Императорский Генштаб, давно стал больным зубом японской контрразведки — и кладезем информации для американцев. Для поимки неуловимого шпиона Петербург отрядил полномасштабную следственную бригаду из лучших оперативников. В их группу вошел и штабс-капитан.

Увы, все ухищрения пропадали даром — Метеор то ли был ясновидящим, то ли, что куда более вероятно, получал информацию о ходе расследования из первых рук. Осознание столь щекотливого факта добавляло контрразведчикам обеих стран прыти, но хвастаться пока что было нечем.

И тут — вызов из российского консульства в Оцу. Подделка документов. Полковник Еремеев мало что не зубами скрипел, но скрип скрипом, а работа работой: по легенде, сотрудники охраны прибыли как раз с подобными целями. О том, что дурацкий вызов мешает контрразведке заниматься другими, куда более серьезными делами, консул Шипкин то ли не догадывался, то ли догадывался, но полагал, что прочие дела подождут. Пришлось Афионову бросаться на помощь.

С другой стороны — чем не выходной? Быстренько разобраться с делами, купить билет на поезд до Токио — глядишь, получится урвать пару часов свободного времени. Остальные, оставшиеся в столице, о таком могут только мечтать. От постоянных мозговых штурмов, оперативных мероприятий и прочей суеты мозги потихоньку начинали закипать даже у трудолюбивых японцев.

— Вчера в первом часу ночи в клинику Фудзино поступил молодой человек в бессознательном состоянии. При нем обнаружен паспорт, который я... гм... — Шипкин смешался, сложив пухлые руки на объемистом животе и устремив туда же взгляд, в котором сквозила откровенная растерянность.

— Который вы что?

Они сидели в консульском кабинете. После радушной встречи штабс-капитан окончательно оттаял, сочтя свалившуюся на голову поездку экстравагантным отпуском. Однако Шипкина о благодушии визитера никто не предупреждал. Низенький толстячок рядом с богатырем-контрразведчиком стусеивался — то ли догадался, что у охраны в Японии есть дела поважнее, то ли просто робел в присутствии спецслужбиста.

— Думаю, вам будет проще самому посмотреть.

— Паспорт у вас? — Брови Александра поползли вверх. Насколько он помнил японское делопроизводство, выдрать из больницы документы пациента смогла бы разве что полиция — но уж точно не рядовой консул, пусть и дружественной страны.

— Да. Видите ли, — Шипкин принялся сосредоточенно рыться в ящике стола, — дежурная медсестра бездумно внесла данные в систему, а вот администратор, когда пришел утром на работу, заподозрил неладное. Разбирательства с полицией уже были... Строго говоря, инспектор Такаги мне заявил, что подделкой паспорт не считает. И отдал его мне.

— Если паспорт не поддельный, к чему вы вообще сдернули с места сотрудника охраны? — Вот теперь в голосе Александра звякнул металл. Ситуация — абсурднее не придумаешь. — Стоп. С какой радости сотрудник полиции отдал паспорт вам, а не вернул в клинику?

— Да вот же он, полюбуйтесь сами.

На дубовый стол упала маленькая бордовая книжечка.

— По виду больше похож на венгерский или... — Раздраженная отповедь прилипла к языку. С бордового покрытия на Александра смотрел вполне себе российский двуглавый орел, над которым красовалось вытисненное золотом: «Российская Федерация».

— Что за бред... — Все встало на свои места. Если это и подделка, то совершенно непонятно, что именно таинственный злодей (или шутник?) пытался подделать. Со стороны Шипкина раздался облегченный вздох — видимо, смекнул, что штабс-капитан находится в таком же ступоре, как и сам консул.

— Выдан отделом УФМС России по Волгоградской области, — процитировал Афоню первую страницу документа.

— Теперь вы меня понимаете? Паспорт формально не существующей страны, выданный непонятно кем и непонятно где...

— Где-то на Волге, — пробормотал сбитый с толку контрразведчик.

— Нет на Волге никаких Волгоградов, Александр Федорович. — Шипкин развел руками. — А уж Волгоградских областей — тем паче.

— Бред какой-то, — повторил Афоню, пролистывая злополучный документ. То ли паспорт, то ли его обладатель был зарегистрирован на бульваре 30-тилетия Победы. О какой именно победе идет речь, документ не уточнял. — Вы проверяли название города?

— Конечно, хотя бы из любопытства... Ну нет в России никакого Волгограда, нет и никогда не было.

— Мгм... — Александр задумчиво почесал затылок, но мыслительный процесс это не ускорило. — Фотография в паспорте с внешностью пациента клиники совпадает?

— Всецело. Может быть, шутка? Паренек молодой, сляпал веселья ради поделку...

Штабс-капитан от предположения лишь отмахнулся. Даже беглого взгляда на документ достаточно, чтобы понять: защитных элементов на нем наткано столько, что для его изготовления потребуется полноценная подпольная лаборатория. А если просветить во всяких инфракрасных лучах и прочих радостях жизни, небось, и не такое найдется... Как бы не покруче, чем настоящий российский паспорт.

— Надо бы с мальчишкой поговорить.

— Сей момент... — Консул пододвинул к себе телефон и отстучал номер.

— Добрый день, господин Ванев пришел в себя? — По-японски Шипкин говорил свободно, что и неудивительно, с его-то профессией.

В ответ раздалось смущенное женское щебетание. Лицо консула вытянулось — ни дать

ни взять огурец. Того и гляди, позеленеет.

— Гм, гм... — откашлялся толстяк. Трубка вернулась на законное место.

— Ну что такое? — Не выдержал Афионов.

— У молодого человека полная амнезия. Даже собственное имя узнал уже в больнице.

Александр в ответ издал непонятный звук — то ли сдавленный стон, то ли рычание.

— Черепно-мозговые травмы, иные повреждения или...

— Ничего. По крайней мере, после предварительного медосмотра. Думаю, сейчас врачи знают больше, но я, простите, спросить не догадался...

Штабс-капитан лишь неопределенно хмыкнул.

— По базам данных его проверяли?

— По имени. Ваневых Викторов Георгиевичей нашлось трое, но ни один из них к мальчику отношения не имеет. Двое живут в Москве, еще один — в Прусской губернии, в пригородах Кенигсберга. Заявлений в полицию о пропаже тоже не поступало. И ни один Ванев в Японию за последние два месяца не отправлялся.

Афионов неопределенно пожал плечами. Это доказывает лишь отсутствие билетов. А вот из Владивостока до Хоккайдо по мостам доехать — пара часов времени. Показал пограничнику российский паспорт — и добро пожаловать без всяких досмотров. Другое дело, что нужен настоящий документ, а не это недоразумение.

— Господин штабс-капитан... Если честно, я ничего не понимаю, — признался Шипкин.

— Я тоже. Но версию о подделке пока сбрасывать со счетов не намерен. — Конечно, можно плюнуть на все и подтвердить правоту японского инспектора. Дескать, на российский паспорт эта писулька похожа не сильнее, чем китайская панда на нормального медведя. Но — коли уж назвался груздем, не ной, что своя рубашка ближе к телу. Да и попискивал из глубин интуиции крохотный червь сомнения: а ну как неведомый автор через пару недель примется настоящие подделки штамповать? С такой технологией — невелика сложность...

— Думаю, для начала стоит навестить господина Ванева. Глядишь что-нибудь да прояснится. Не возражаете, если я заберу сей, гм, документ? — Александр поднялся, подхватив злополучную книжечку.

— Да на здоровье. Автомобиль сейчас обеспечим. — Шипкин, сообразив, что штабс-капитан не намерен переваливать проблему на консульские плечи, заметно повеселел.

— Далеко госпиталь? — Поинтересовался Афионов, вытаскивая из кармана смартфон.

— Минут пять...

— Не нужно. Прогуляюсь.

Побродить по улочкам Оцу Александру не дали. Он едва успел выйти за ворота консульства и вдохнуть пряный воздух, успевший пропитаться полуденным зноем. Настроиться на созерцательный лад не вышло — рядом резко затормозил полицейский микроавтобус.

— Добрый день, господин штабс-капитан. — Из машины вылез поджарый японец в полицейской форме. Из-под круглых очков в Александра впились черные глаза-буравчики. — инспектор Такаги.

Рука Афионова коснулась козырька фуражки.

— Я правильно понимаю, что вы прибыли по вызову консульства? — не стал тянуть

кота за хвост полицейский.

— Правильно, — подтвердил Александр.

— Удачно, что я вас заметил. Собираетесь в клинику Фудзино? — Афонов ограничился кивком, но инспектору большего и не требовалось. — В таком случае нам по пути.

По-русски инспектор говорил с чудовищным акцентом, коверкая слова и путаясь в падежах и прочих склонениях. Тем не менее, попытку Афонов оценил. И от предложения тоже отказываться не стал: какой бы дружественной страной ни была Япония, действий спецслужб, ведущих расследование без кооперации с собственными правоохранителями, никакое государство не потерпит. Хочешь — не хочешь, а контакт налаживать придется.

— Хотите навестить моего соотечественника? — По-японски поинтересовался штабс-капитан, оказавшись в салоне микроавтобуса. Его владение языком тоже трудно было назвать блестящим, но терпеть напрочь изломанный русский в исполнении инспектора не хотелось.

— И его в том числе. Вы все-таки полагаете молодого человека русским? Я связывался с клиникой. Судя по всему, господина Ванеева не составит труда убедить даже в том, что он — чистокровный китаец.

Александр усмехнулся. В Японии китайцы слыли главными героями анекдотов. В массе своей — совершенно несмешных и наполненных осознанием полного превосходства над соседями. Молодой водитель бросил на русского снисходительный взгляд — видимо, японский у штабс-капитана хромал куда сильнее, чем тому бы хотелось. Но инспектор предпочел беседу на родном языке.

— Не думаю, что он от этого и впрямь станет китайцем, Такаги-сан. Вдруг он поможет разобраться в ситуации?

— Ситуация, господин штабс-капитан, куда запутаннее, чем вам кажется, — дернул щекой японец. И без того не слишком симпатичное лицо превратилось в искривленную маску.

— Я чего-то не знаю? — Похоже, застрял здесь Афонов надолго. Еремеев будет «в восторге» — ценного (хотелось надеяться) сотрудника утащили невесть куда и заставили возиться с невесть чем — вместо поимки треклятого шпиона.

— Мы нашли еще одного. Вернее, еще одну.

Новость Александру по вкусу не пришлась. Судя по выражению лица японца, тот был с ним полностью солидарен.

— Русская? — Что за чертовщина...

— Отнюдь. Японка. Поступила сегодня утром в соседнюю палату. Я запретил врачам выпускать из палат и ее, и господина Ванеева.

— Тоже амнезия? — Японец в ответ коротко кивнул. Что еще за новоявленная эпидемия...

— Документов при девушке не было, зато у нее найден инкан[2] на имя Кэйко Накано.

— Дзицуин[3]? — С надеждой спросил Александр. Хотя интуиция в этот момент лишь виновато вздохнула. Штабс-капитан ни на секунду не усомнился, что никаких данных у Такаги на девушку нет. Как в воду глядел.

— Нет, — судя по выражению лица инспектора, отсутствие у потерпевшей зарегистрированной печати было личным оскорблением, никак не меньше. — Никаких данных.

Иными словами, девушка даже не обязана быть японкой. Как, впрочем, и Ванеев может

оказаться вовсе не соотечественником штабс-капитана. Например, американцы? Проникли по конспиративным или дипломатическим каналам... Развивать мысль Афонов не стал. И так понятно, что бред.

— Я тоже успел сломать всю голову, — сочувственно вздохнул японец в ответ на угрюмое молчание офицера. — Приехали.

Миновав утопающий в зелени дворик, дошли до здания клиники. Внутри царил обычная для подобного учреждения атмосфера. Белые стены, кожаные диваны... На миг Афонову показалось, что он не в Японии, а где-нибудь в родном Кенигсберге.

— Господа, чем могу помочь? — Улыбчивая японка в белом халате вернула штабс-капитана на грешную землю.

— Инспектор Такаги. Где мы можем найти доктора Хасимото? — Японец поймал непонимающий взгляд Александра и пояснил, — это лечащий врач наших... найденышей.

— Он в своем кабинете. Я провожу...

— Не нужно, я знаю дорогу. — Такаги жестом велел медсестре оставаться на месте и направился в сторону коридора. Афонов пошел следом, краем глаза поймав любопытный взгляд японки. Господи, и эта туда же... Если уволят из органов — место в рядах японских фотомоделей ему гарантировано.

— Сомневаюсь, что доктор сможет что-то прояснить. — Прокомментировал Такаги, неслышно ступая по серовой ковровой дорожке. — Однако, есть у меня надежда, что вся эта история с амнезией — симуляция чистой воды.

— Две одновременно? Без предварительного сговора? — Афонов сжал губы. Версия выглядела не слишком убедительной.

— Ну, сговориться они могли и до того, как их нашли...

— Потерять сознание, попасть в больницу и разыгрывать амнезию, предварительно заинтересовав полицию собственными персонами?

— Да, идея не из лучших, — неохотно признался Такаги. — А вот и его кабинет.

Хасимото-сан оказался сухоньким смуглым старичком со старообразной седой бородкой. Такого бы скорее в какую-нибудь оранжевую монашескую хламиду обрядить — вылитый сенсей из монастыря Шаолинь получился бы.

— Добрый день, господин инспектор, господин... ммм... — доктор вопросительно уставился на Александра.

— Штабс-капитан Афонов, — представился тот.

— Есть новости, доктор? — перешел к делу Такаги.

— Ну, я провел обследование... Присаживайтесь, господа.

Александр плюхнулся на предложенный стул. Тот в ответ разразился возмущенным скрипом — видимо, привык к куда более легким жителям Благословенных островов.

— Так вот, обследование, гм... Господа, признаться, я в тупике.

— Пациенты полностью здоровы? — Догадался инспектор. Видимо, версия с симуляцией им отброшена вовсе не была.

— Если не считать амнезии — несомненно. — Сокрушенно согласился Хасимото. Похоже, его весьма удручало собственное непонимание.

— Психотропные вещества или еще что-нибудь? — Подсказал Александр. Хотя, если бы что-то подобное нашли — доктор бы не преминул об этом сказать.

— Все чисто, мы провели необходимые анализы, — подтвердил врач правоту штабс-

капитана.

— Вам не кажется, что Ванеев и Накано лишь симулируют утрату памяти? — Резко спросил Такаги. Предвидел возражения со стороны контрразведчика? Но Александр и не подумал противиться. Мнение специалиста по такому вопросу всяко лишним не будет.

— Ну... Полностью исключать нельзя, — признал Хасимото после недолгого раздумья. — Но их осматривал профессор Икэда, он большой профессионал в этой области...

— И его диагноз?

— Диагноз — не совсем верная формулировка в данной ситуации. — Открестился от определенности врач, — но грамотно симулировать любое расстройство, включая амнезию — далеко не такая простая задача, какой она может показаться.

Александр кивнул. Ему уже доводилось сталкиваться с преступниками, резко «потерявшими память» или «свихнувшимися на нервной почве». Судмедэксперты таких кололи, словно орехи. Сначала они, а затем — сотрудники охраны. В таких случаях спецы по допросной части вправят мозг так, что любой медик обзавидуется.

— Так вот, Икэда-сан твердо убежден, что это не притворство. — Закончил Хасимото, одобрительно покосившись на штабс-капитана. Видимо, уловил ход мыслей контрразведчика. Такаги недовольно скривился. Ну и рожа у него в такие моменты...

— Мы побеседуем с вашими пациентами.

— Разделимся? — Предложил Александр. — Я займусь Ванеевым.

Инспектор, после короткой паузы, кивнул.

— Хорошо. Потом суммируем... Если будет чего. Двенадцатая и пятнадцатая палаты, я покажу.

Судя по доносящейся из-за двери скороговорке диктора, юноша усиленно занимался самообразованием, заново знакомясь с историей собственной страны. Если, конечно, Россия и впрямь была его страной.

«Великобритания и Франция предпочитают скорее отдать Чехословакию Гитлеру, чем воевать с ним. Однако, император Михаил II дает братскому славянскому народу гарантии неприкосновенности. На территорию Чехословакии входят части Российской Императорской армии. Чехословацкое правительство объявляет о непризнании Мюнхенских соглашений. Немецкий генералитет уже готов дать задний ход, но разъяренный фюрер не желает отступить. 23 октября 1938 года Вермахт без объявления войны вторгается в Чехословакию. Нацистская Германия и Российская Империя оказываются в состоянии войны».

Звук открывшейся двери заставил темноволосого парня отвернуться от телеэкрана, по которому в этот момент за черно-белыми танками бежали столь же черно-белые солдаты. Парень дорвался до документального «От Праги до Берлина».

— Господин Ванеев? — Александр приложил ладонь к козырьку фуражки, — Охранной Канцелярии штабс-капитан Афионов.

Какое у него странное выражение лица, одновременно растерянное и жадное до подробностей и новых открытий. Внимательный взгляд ощупал черный мундир, скользнул по золотым погонам — и уперся в лицо Афионова.

— Добрый день, сударь. Присаживайтесь, если есть желание. — Парень подхватил с кровати пульт, тот протестующе пискнул и изображение в телевизоре застыло на месте.

Палаты в госпитале оказались весьма уютным местом. Тут тебе и телевизор в пол-стены, холодильник, мебель — не всякий отель такой похвастается. У стены за занавеской виднелся небольшой синтоистский[4] алтарь.

— У меня есть несколько вопросов. Ваше состояние позволит вам ответить на них? — Александр прикрыл за собой дверь, но остался стоять на ногах, разглядывая парня сверху вниз. Подозрение в том, что тот всего лишь искусный симулянт, замолкло и не подавало признаков жизни. Мальчишка не походил на психа, но и нормальным его назвать трудно. На молодом лице застыло странное выражение — смесь детской обиды, растерянности и алчного любопытства, будто ему приходилось заново открывать огромный неизвестный мир.

— Вряд ли. — Неожиданно улыбнулся парень, — разве что вы спросите о чем-то, что произошло после того, как я очутился в этой палате.

Александр хмыкнул и залез во внутренний карман мундира.

— Вам этот документ знаком? — поинтересовался офицер, протягивая злополучный паспорт «владельцу».

— Ннет... — Не очень уверенно отозвался Виктор. От Афонова не укрылся озадаченный взгляд, которым парень перед ответом наградил зеркало. Видимо, сличал фотографию с оригиналом. — Но, судя по всему, это мой паспорт?

— Гражданином какой страны вы являетесь? — На всякий случай уточнил Александр.

— Судя по этому документу...

— А если не судить? — Пресек штабс-капитан попытку пациента «подсмотреть» правильный ответ.

— Тогда понятия не имею. — Сдался парень, вернув документ Афонову. — А, простите, почему по нему нельзя судить? Паспорт...

— Потому что государство, гражданином которого вы, предположительно, являетесь — Российская Империя. И федерацией она, слава Богу, становиться не планирует.

Господин Ванеев от такого заявления, что называется, завис.

— А паспорт откуда?

— Понятия не имею. Но — выясню. Если вы вспомните хоть что-то — немедленно свяжитесь со мной. Ваш лечащий врач знает, как это сделать. До тех пор, пока ваша судьба не прояснится, я склонен вас полагать гражданином России.

— Спасибо... — Пробормотал парень.

— Не за что. Вашей дальнейшей судьбой займется консульство. Документы, деньги... В общем, с администрацией клиники свяжутся. И вот еще что, — Александр резким жестом пресек очередной поток благодарностей, — врачи убеждены, что вы не симулируете, но если вы все-таки занимаетесь притворством из страха перед некой угрозой, будьте уверены: вас защитят. А вот заведомо ложные показания сотруднику Охранной Канцелярии — деяние уголовно наказуемое.

— Я вас понял. — Взгляд у парня остался прямым. Не врет, с сожалением понял Афонов. — Но я говорю правду.

— В таком случае остается лишь пожелать вам выздоровления.

Очередного «спасибо» он дожидаться не стал. Попрощался коротким кивком и закрыл за собой дверь. Такаги уже дожидался в коридоре.

— Коллега... Признаться, я в тупике.

Японец наградил штабс-капитана мрачным взглядом. А что тут еще скажешь?

[1] Кэмпэйтэй — служба военной контрразведки Японской империи

[2] Личная печать, заменяющая в Японии подпись.

[3] Дзицуин — печать, зарегистрированная в государственных органах и предназначенная для совершения ответственных операций. В повседневной жизни используются печати, не подлежащие обязательной регистрации.

[4] Синто — государственная религия Японской империи.

Глава 2

Есть в России несколько загадок, которые ни один ученый разгадать не в силах. Главную из них Афионов сейчас вертел в руках: компактный смартфон «Тоцуко». Сконструировать межконтинентальную ракету, чтоб ни одной ПРО не по зубам? Легко. Сверхсовременные бомбардировщики, способные прибить с десятикилометровой высоты муравья так, чтобы его соседи по муравейнику ни сном ни духом? Не вопрос! Атомные реакторы, космические спутники, сверхсовременные радары? Пять минут и готово. Недорогой и качественный телефон? Совершенно непосильная задача. Русские инженеры создавали японским высшим чинам сверхзащищенные линии правительственной связи, но приезжали на работу на японских машинах и звонили с японских же телефонов. Почему так — величайшая загадка истории.

Сейчас плод японского гения весело подмигивал штабс-капитану синим индикатором: Такаги только что прислал приглашение Александру — дескать, есть новости.

Со стены гостиничного номера японский же «Мацусито» вещал о выходе в Средиземное море эскадры во главе с атомными авианосцами «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Колчак». Так сказать, еще один парадокс истории в действии. Франция, если верить журналистке, тараторившей в микрофон, заявила протест. Русское адмиралтейство в вежливой форме ответило, на какие цели пойдет бумага, на которой нота протеста напечатана.

Александр бросил взгляд в зеркало. То в ответ послушно отразило подтянутого офицера в черной форме. Хоть сейчас в поэтический сборник, «слуга царю, отец солдатам». То есть, оперативникам. В гостиничном холле сидевшая за стойкой японка с улыбкой приняла ключи от номера. Миловидная леди, и тоже смотрит на русского, как на героя детских грез. В последнее время Афионов начал скучать по русским лицам, которых в Японии наблюдался категорический дефицит. И по вылизанным не хуже японских проспектам Кенигсберга — тоже. Командировка, которая из России казалась загадочной экзотикой, на поверку оказалась набором суматошной рутины вперемешку с головоломными загадками.

На улице всюду буйствовал летний зной. Такси, что ли, взять? Александр огляделся, но обнаружил лишь скучающего в тени велорикшу. Тьфу, напасть. Нет уж, пешком пройдемся. Не так уж и далеко, если вдуматься.

Вбив в телефон нужный адрес, Афионов направился в сторону полицейского участка. Под ногами сияла идеальной чистотой разноцветная плитка. Некоторые умники в России любят повторять «чисто там, где не мусорят». Угу, видели б они, как тут тротуары два раза в день с шампунем моют. Хотя, конечно, отмазка для нерадивых чиновников — в самый раз. Дескать, сами грязнули, а мы и вовсе ни при чем. Российское раздолбайство в японских анекдотах тоже было нередким гостем. Черту эту в империи вытравить не сумели никакими наказаниями — некоторые всерьез предлагали проштрафившихся чиновников пороть на площадях.

Улица сделала крутой поворот и перед опешившим офицером предстала во всей красе православная церковь, сияющая в солнечных лучах золотыми луковицами куполов. Зрелище показалось... сюрреалистичным. Японская администрация ко всем верованиям за исключением синто относилась без особого почтения. Разве что в Токио было сделано исключение — да и там церковное подворье было скорее данью уважения российскому посольству... но здесь, вдали от столицы? Афионов, приличия ради, снял фуражку и

перекрестился. Не то чтобы он был истово верующим, но в России считается, что государственный служащий обязан проявлять уважение к православной вере. Особенно — за рубежом. Даже если церковь уже лет сорок как отделена от государства, она остается одним из его столпов.

У входа застыла знакомая парочка — Виктор и Кэйко. Их врач пару дней назад выколотил-таки из Такаги разрешение выпустить пациентов из палат. Мол, его дело и обязанность — обеспечить максимальную заботу о юных организмах, и сидение взаперти с этой задачей входит в откровенное противоречие. Инспектор сначала возражал, но Александр поддержал врача — у него появилась идея, которая полицейскому пришлась по душе. Так что теперь найденыши имели свободный доступ в город, где за ними бесплотными тенями следовали сотрудники полицейского департамента. Расчет Афонова был прост — если уж эти двое прикидываются, то, оказавшись наедине, могут и разоткровенничаться. Ну а если нет — вдруг им повезет привлечь внимание неких таинственных лиц, замешанных в ситуации? План, конечно, тот еще... Но лучше ничего придумать не получилось.

Первая надежда вскоре отпала. Ванеев и Накано познакомились в тот же день, когда их выпустили на волю, однако странностей в этом не было никаких. Молодая и симпатичная пара получилась. Хасимото полагал, что они и прежде были знакомы — слишком уж легко нашли общий язык. Однако, тщательно записанные разговоры лишь подтвердили правоту Афонова — никакой игрой здесь и не пахло. Парочка слонялась по Оцу, разглядывала дома, улицы и достопримечательности и всюю наслаждалась конфетно-цветочным периодом в отношениях. Хасимото полагал, что эти двое и раньше были любовниками, а то и мужем и женой. Но — ни малейших странностей в поведении. Можно, конечно, предположить, что и Накано, и Ванеев — актеры от Бога... Но в это отказался верить даже подозрительный Такаги.

— Добрый день, господин Афонов, — Виктор первым заметил подошедшего штабс-капитана. Японка вежливо улыбнулась.

— Добрый. — Афонов оглядел церковь. С чего бы японцам строить такую махину в мелком, в общем-то, городишке?

Ответ обнаружился мгновением позже, когда взгляд зацепился за мемориальную доску, прикрученную недалеко от входа.

«Храм в честь Николая Чудотворца поставлен в память цесаревича Николая Александровича, злодейски убиенного японцем Цудой Сандзо 29 апреля 1891 года во время путешествия престолонаследника по Благословенным островам».

Ниже — та же надпись по-японски. Александр чуть не хлопнул себя по лбу. Ну конечно, то-то он ломал голову, откуда название городка кажется смутно знакомым! Печально знаменитый инцидент в Оцу, поставивший будущих союзников на грань кровопролитной войны. Гибель наследника Российского престола от руки японца-фанатика вызвала жутчайший скандал... Но сейчас про это вспоминать очень не любят — из политических соображений. Японцы содержат построенный на деньги императора Мэйдзи храм в образцовом порядке — и терпеть не могут, когда российские официальные лица вспоминают о его существовании. Ну а оные лица усиленно делают вид, что цесаревич Михаил был единственным наследником императора Александра III.

Да и мне, подумал Афонов, лучше бы здесь надолго не задерживаться. Штабс-капитан, конечно, не полномочный посол, но японцы, кажется, до сих пор полагают эту страницу истории весьма позорной и терпеть не могут, когда о ней напоминают.

Перекинувшись парой слов с Виктором и Кэйко, он направился в сторону полицейского участка. Взгляд зацепился за еще одного иностранца. То ли европеец, то ли американец — Бог весть. Ладно сложенный светловолосый парень беззастенчиво пялился на парочку, которая в упор не замечала внимания в свой адрес. С чего бы такое любопытство, интересно?

Можно, конечно, подойти да пообщаться, но смысл? Вокруг ошивается никак не меньше трех подчиненных Такаги — вон, кстати, один из них, сосредоточенно курит, вооружившись карманной пепельницей. Если уж что случится — полицейские живо пресекут любое безобразие. Сделав в памяти заметку поинтересоваться у инспектора на предмет не в меру любопытного гайдзина[1], Афонов отправился восвояси.

— Радостно на душе почему-то... Светло и будто бы солнечно. Ой, Вить, не обижайся... — Кэйко за прошедшие дни успела намертно осознать себя настоящей японкой. И, похоже, здорово распереживалась из-за убитого цесаревича. Не могла повода посерьезней придумать.

— Да ладно, не ты ж его убила, — пожал плечами Виктор. Он, в отличие от возлюбленной, так и не сумел почувствовать себя русским. Конечно, они с давешним штабс-капитаном говорили на одном языке, но... Парень с некоторой печалью не раз ловил себя на мысли: откуда бы он ни взялся, но точно не из России. Пусть даже видел всего двух «соотечественников» — Афонова и консула Шипкина. Доброжелательные, улыбчивые и безмятежные люди казались ему слишком уж чуждыми. Виктор сам не мог понять, что с ним не так, что эти хорошие, в общем-то, качества оставляют ощущение горькой досады.

— Ну, не я, конечно. — Миниатюрная японка сосредоточенно изучала мемориальную доску, — но мне все равно очень приятно здесь стоять. А должно быть наоборот.

— Ну так давай зайдем.

— Я одета неправильно. — Что правда, то правда. Альый наряд японки отдаленно напоминал кимоно — с той лишь разницей, что оставлял открытым все, что можно. В церковь в таком ходить — верх неприличия. Знать бы еще, откуда у него в голове это знание взялось... Образовавшийся в черепушке вакуум был источником непрекращающейся головной боли. В фигуральном смысле. Врачи, правда, регулярно высказывали опасения, что боли могут начаться и настоящие, но тут они, к счастью, ошиблись.

— Ну завтра сходим тогда. — Решил Виктор, бросив косой взгляд на ошивавшегося рядом белобрысого парня. Иностранец в Японии — существо приметное, так что он не сомневался, что незнакомца видит не впервые. И чего он за ними шатается, хотелось бы знать?

Неожиданная догадка пронзила мозг: вот оно! В отличие от виденных русских, Виктор постоянно ожидал от окружающего мира какого-нибудь подвоха, будто солдат, засевший в осажденной крепости. И из союзников — сухарь да винтовка. Все остальные — в лучшем случае, временные попутчики, от которых неизвестно чего ждать. Каждого встречного он неосознанно испытывал: опасен ли? Вот и с этим белобрысым то же самое. Попробуй поделись опасениями с Кэйко — лишь рассмеется, сочтя незнакомца тайным воздыхателем. Иными словами — явлением бесполезным, но приятным.

— Ну чего ты надулся? — Обеспокоенно поинтересовалась девушка, бросив тревожный взгляд на доску. Ну точно, японка. Успела взвалить на себя все прегрешения и все подвиги своего народа — и с Виктором проделала то же самое. Теперь будет грызть себя из-за

убийцы, который сто с хвостиком лет как прекратил коптить синее небо.

— Это не я, это ты надулась. — Отшутился парень, обняв спутницу. — Там вон мороженое продают, хочешь?

Забавно, но это было единственное, что он точно вспомнил о своем прошлом в тот момент, когда увидел ее впервые: возлюбленная обожает банановое и клубничное. И терпеть не может шоколадное.

— За Ваневым и Накано ведется слежка. — Сосредоточенный, словно волк перед прыжком, Такаги буравил Афонова взглядом. Инспектор шурился, отчего и без того узкие глаза превратились в две черточки, черневшие над круглыми стеклами очков.

О том, что слежка эта уж точно не со стороны полицейских, штабс-капитан даже уточнять не стал. И без того понятно.

В крохотной комнатухе, служившей инспектору кабинетом, он оказался минуту назад. Хозяин попытался изобразить гостеприимство и напоить гостя чаем. Гость отказался. Не понимал тягу к горячему зеленому чаю, да еще и сладкому. Да еще по такой жаре, хотя в кабинете как раз было прохладно — сказывалось наличие кондиционера.

— Белобрысый иностранец?

— Вы его знаете? — Изумился японец.

— Наткнулся сегодня на нашу парочку, — объяснил Афонов, — так что заметил краем глаза. Он мне не показался знатоком своего дела.

— Мягко говоря, — согласился Такаги, — искусством слежки этот сударь не владеет. Мои сотрудники засекли его еще вчера и с тех пор не упускают из виду. Он? — На стол перед штабс-инспектором упало несколько фотографий.

— Да, — Афонов бросил короткий взгляд на фотокарточки. Хорош «сыщик», ничего не скажешь. Подчиненные Такаги его запечатлели во всех возможных ракурсах, а тот ни сном ни духом.

— Вчера и сегодня этот молодой человек неотрывно следовал за Ваневым и Накано. Никаких действий не предпринимал. Ваши предположения, штабс-капитан? — Афонову подумалось, что вопрос вызван, в первую очередь, полным отсутствием этих самых предположений у Такаги.

— Понятия не имею. — Признался Александр, ущипнув себя за ус. Ему вообще вся эта история казалось бредом чистой воды. Ни одной хоть сколько-то вменяемой версии. Любое предположение вдребезги разбивалось о беспощадную логику. — Выяснили, кто это?

— Нет, — японец пожевал губами и с тоскливым видом покосился в сторону окна, — начинаю опасаться, что этот гайдзин появился оттуда же, откуда и Накано с Ваневым.

Афонов раздраженно фыркнул. То есть, непонятно откуда, непонятно кто... И вообще в итоге выяснится, что у него в кармане какой-нибудь паспорт Французского Халифата, Американского королевства или какой-нибудь другой дичи, которая заинтересует разве что психиатра.

Раздраженная трель телефона прервала нелепый разговор. Такаги, извинившись, поднял трубку. Выслушал взволнованную скороговорку, бросил короткое «Да». Смерил Александра задумчивым взглядом. Штабс-капитан готов был поклясться, что инспектор собирается одновременно выmaterиться и пуститься в пляс.

— Судя по всему, американец. Его только что арестовали и скоро привезут в отделение.

— Зачем?! — Александр с трудом удержался от того, чтобы обругать остолопа в

полицейской форме. Неужели нельзя было продолжить наблюдение? Так хоть был шанс узнать, что белобрысому нужно. Теперь же он будет отпираться, нести всякий бред — и пойдешь отличить правду от хитрого вымысла. Если допрашивающий знает меньше, чем ничего — ему и под пыткой наврать нетрудно.

— Нет, я не идиот, — криво ухмыльнулся Такаги. Видимо, прекрасно сообразил, какие мысли роятся в голове русского. — Молодчик задержан за попытку убийства и хранение оружия.

— Вот те на... — Только и сумел выдавить из себя Афионов.

— Наши двое ничего не заметили. Белобрысый дождался, когда они зайдут в безлюдный переулок около церкви и вытащил пистолет. На этом его подвиги, собственно, и закончились. — В голосе Такаги скользнула законная гордость за своих подчиненных. Афионов тоже оценил. Скрутить вооруженного преступника так, что возможные жертвы этого даже не заметили — не баранку скусать. Отменная реакция.

Офицер поделился впечатлением с Такаги. Тот поблагодарил, надувшись, словно индюк.

— Андреас Мейер?

Белобрысый сидел, словно на иголках. На лице застыло обреченное выражение. Удивительного мало. Едва ли есть на свете страна, в которой за попытку убийства можно отделаться строгим выговором. Да и наручники, обхватившие заведенные за спину запястья, вряд ли добавляли парню хорошего настроения. Сам виноват, голубь. Афионов, благодаря знанию английского оказавшийся в роли переводчика, ни малейшего сочувствия к преступнику не испытывал.

— Гражданин США, немец по национальности? — Снова уточнил инспектор. Паспорта «американского королевства» у парня при себе не оказалось. Зато наличествовало водительское удостоверение. И, надо заметить, содержимое пластиковой карточки в судьбе американца могло сыграть роль куда более роковую, чем гражданство очередной вымышленной страны.

— Потруднитесь объяснить, почему сей документ значится как выданный в Гонолулу? — Ни одно государство не любит, когда покушаются на его территорию. Япония исключением не была. Страна Восходящего Солнца ни на миг не прекращала грызню с Штатами, которые любыми неправдами пытались вернуть Гавайи под свою юрисдикцию. И тут — такой фортель. Неудивительно, что инспектор сверлил американца мрачным, насупленным взглядом. Это, вполне возможно, юрисдикция даже не полиции, а кэмпэйтэй.

Афионов, впрочем, ни на секунду не усомнился, что права эти происхождения имеют то же самое, что и паспорт, возвращенный им консулу. С той лишь разницей, что Россия, даже если ее кто-то и обозвал Федерацией, сама себе уж точно претензии предъявлять не собиралась. А вот Япония за то, что японский Синдзю обозвали старым названием — Гонолулу — могла и осерчать. Благо, было на кого.

— Я буду говорить только в присутствии адвоката, — процедил парень, смерив Александра злобным взглядом. Ну-ну...

Такаги, услышав перевод, ожидаемо озверел.

— Это я здесь решаю, когда, что и в чьем присутствии ты будешь говорить! — Рывкнул японец, бешено вращая глазами. Формально он, конечно, не очень прав. Вернее, совсем не прав. И, окажись на месте Андреаса японец, инспектор бы себя вел совсем иначе. Вот только

немец, да еще и с американским гражданством — совсем другое дело. Даже если единственное подтверждение того гражданства — откровенно недействительный документ. Вернее, тем более. Раз документ липовый — бедняга Андреас разом превращается из гражданина недружественного государства в нелегала, связанного с недружественным государством. И не скажешь сходу, какой из этих вариантов хуже.

Ситуация сложилась патовая. Немец и японец сверлят друг друга взглядами, застывшие по обе стороны от арестованного полицейские старательно изображают статуи, Афионов... Афионову хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Не то место и не то время парень нашел, чтобы играть в героя. У японцев в наличии имеются черные резиновые аргументы, возразить на которые Андреасу откровенно нечего. И нужно быть ну очень наивным человеком, чтобы полагать, будто эти аргументы на следующем дерзком ответе не будут пущены в ход.

— Рекомендую вам пересмотреть отношение к происходящему, — попытался штабс-капитан исправить ситуацию. Присутствовать при экзекуции не было ни малейшего желания. — Если вы еще не поняли, отвечать правдиво — в ваших же интересах. Так что мой вам совет...

— Да пошел ты, гнида золотопогонная, — злобно процедил Андреас, смерив Александра ненавидящим взглядом.

Смысла сказанного Такаги, конечно, не понял, да и к чему? Достаточно презрительно-злобного тона и вытянувшегося лица Афионова, чтобы понять — ничего приятного не произнесено. Короткий жест — и конвоир срывает с пояса дубинку. По допросной раскатился хлесткий звук — словно плетью щелкнули.

От удара белобрысый полетел на пол, скорчившись, словно недодавленная гусеница. Долго лежать ему не дали — второй полицейский поднял несчастного за волосы и водрузил обратно на стул. Александр с трудом удержался от раздраженной гримасы — избиение беззащитного ему претило. Даже несмотря на профессию. Или — именно в силу профессии.

— Вам знакомы господа Ванеев и Накано? — Поинтересовался Такаги.

— Да. — Самоуверенную спесь с Андреаса как ветром сдуло. Что и требовалось доказать.

— Почему вы собирались их убить?

— Потому что эти мрази того вполне заслуживают, — злобно процедил немец. Глаза инспектора нехорошо сверкнули. Сейчас непонятливый арестант получит еще раз, почти что с тоской подумал Афионов.

— Чем же они вам так насолили? — Поинтересовался штабс-капитан, опередив уже открывшего рот Такаги.

— Не считая истребления моего народа? — В глазах Мейера промелькнуло что-то дикое.

— Что он метет? — Недовольно прошипел Такаги, после того, как Афионов изложил ему мотив неудавшегося преступника. — Американцев вроде никто не истреблял... К сожалению.

— Думаю, он имеет в виду немцев, — поправил Александр. Японец смерил угрюмого арестанта злобным взглядом. Ему явно было до лампочки на дела давно минувших дней. — Вы, молодой человек, насчет истребления, мягко говоря, перегибаете палку. Конечно...

— Ах, простите, перепутал геноцид с увеселительной прогулкой, — огрызнулся Андреас... И снова оказался на полу. Процедура с подниманием немца за волосы и

водворением обратно на стул повторилась. На шее отчетливо отпечатался красный след от удара.

— Кончай корчить из себя психа, — прорычал Такаги, — отвечай на поставленный вопрос.

— А я что делаю? — Обреченно буркнул Мейер, покосившись на застывшего рядом полицейского. Видимо, со второго раза все-таки сообразил, что бывает за неправильные ответы. Но линии поведения при этом не сменил.

— Я правильно понимаю, вы обвиняете двадцатилетнюю японку и ее столь же молодого товарища в событиях сороковых годов прошлого века? — На всякий случай уточнил Афионов. Неужто Мейер и впрямь решил, что разыграть психа — хорошая идея?

— Ей двадцать семь, — ни к селу ни к городу ляпнул Андреас. А парень, похоже, знает о Накано больше, чем штабс-капитан с инспектором. Что ж, и об этом расспросим. Позднее.

— Ага. — Александр произвел нехитрый подсчет, — то есть, леди родилась в девяносто втором году, а вы, стало быть, обвиняете ее в событиях, случившихся на полвека раньше?

— Что-то вроде того, — буркнул Мейер. С таким видом, будто отчаялся объяснять непреложные истины окружающим идиотам.

— А Ванеев, видимо, в сорок четвертом бомбил Лондон. Лично. — Подытожил Афионов. Ну прости, парень. Видит Бог, я пытался тебе помочь.

— По-хорошему не получилось? — Без особого труда догадался Такаги, молча слушавший разговор на незнакомом языке.

— Как видите, — коротко кивнул Афионов.

— В камеру, — раздраженно махнул рукой Такаги. — Простите, что отнял столько вашего времени, штабс-капитан. Думаю, сейчас смысла продолжать нет. Завтра утром начнем. Мы его за это время убедим в целесообразности сотрудничества.

В этом Александр не сомневался. Полицейская дубинка способна творить настоящие чудеса.

— Господин инспектор? — В допросную заглянул японец в полицейской униформе. Конвоиры, тем временем, потащили арестанта прочь. Афионов ему, честно говоря, не завидовал. Сам виноват... придурак.

— А, Ешида-кун. Как успехи?

— Пусто, господин инспектор, — полицейский виновато развел руками.

— Я отправил парней обыскать квартиру, которую занимал Мейер. Но, как видите, похвастаться нечем. — Объяснил Афионову Такаги.

— Он и квартирой разжился? — Удивился штабс-капитан. Накано и Ванеева Андреас напоминал нелепым документом, но вот амнезией и неумением обустроиться в незнакомой стране тут и не пахло. Найденыши-то жили исключительно за счет консульства и японской префектуры.

— Квартирой, пистолетом, наличностью... Если б не покушение и очередной, гм, поддельный документ, я бы в жизни не провел между ними параллели.

Афионов задумчиво кивнул. Мейер больше напоминал засланца американской или итальянской мафии... Вернее, напоминал бы при минимальном наличии мозгов. Опять же, вопрос — раз уж с серым веществом у парня явные перебои, где ж он пистолет достал?

— Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Виктор послушно поставил закорючку, знакомую лишь по продемонстрированному

шпабс-капитаном паспорту. Впрочем, рука привычным, отточенным жестом вывела причудливую загогулину. Заявление на получение российского гражданства исчезло в портфеле работника консульства. В небольшую квартиру, снятую Ванееву все тем же консульством, подчиненный Шипкина заглянул полчаса назад. Выпил предложенную чашку чая и заставил Виктора прочитать текст присяги на верность Российской империи, народу и императорскому дому — ее нужно будет принести перед получением паспорта. Ну и собрал целую коллекцию автографов на ворохе различных документов.

— Я слышал, госпожа Накано отказалась от предложенной префектурой квартиры... К ней вернулась память?

— Да нет, — улыбнулся Виктор, — решила поселиться у меня.

— Ну, в таком случае поздравляю. — щелкнул, закрываясь, портфель, мужчина поднялся из-за стола.

То ли из-за неловкого движения, то ли просто треклятый компьютер оказался слишком чувствительным, но чудо японской техники выскочило из спящего режима и продемонстрировало миру заставку очередного документального фильма — Виктор в последнее время очень ими увлекся. Как назло, именно в этот момент руки дошли до американских «поездов смерти».

— Гм, гм... Господин Ванеев... Вы ведь знаете, что в России сейчас идет дискуссия о запрете этого, гм, произведения как содержащего антироссийскую пропаганду? — Подчиненный Шипкина, увидев, чем развлекается на досуге Виктор, моментально помрачнел.

— Теперь знаю. — Новость не показалась такой уж удивительной, с учетом того, что фильм он посмотреть уже успел.

— Американцам в таких вопросах свойственна фантастическая пристрастность, — наставительно провозгласил чиновник, — некоторые вещи они в упор не видят, а другие раздувают до совершенно сумасбродных масштабов. Если уж вам так интересна эта тема — лучше посмотрите «историю Российской Германии».

Заверив мужчину, что он именно так и поступит, Виктор закрыл за ним дверь. Мало удивительного, что консул так отреагировал — американцы в киноленте наступили на одну из самых болезненных для России мозолей. Хорошо так наступили — с размаху и каблуком.

Немного подумав, Виктор удалил злополучный фильм. Эти документалисты вполне друг друга стоят. В России долго и охотно рассказывают о возникших после русско-немецкой войны губерниях, центрами которых стали Мюнхен, Берлин и Кенигсберг. О том, как немцы, которым нацисты успели основательно промыть мозги, наотрез игнорировали любые попытки царского правительства найти общий язык с новыми подданными. И о том, что фрицы, сами, в общем-то, развязавшие войну, называли присоединение к России не иначе как «азиатским игом». А самих русских — дикарями. И ждали освобождения со стороны «цивилизованной Европы». Некоторые даже всерьез рассчитывали, что после такого освобождения Франция позволит Гитлеру вернуться с Корсики, где он содержался не то как пленный, не то как заключенный. Наивно, конечно: при назначении главы Германской Республики — огрызка Третьего Рейха и, по совместительству, французского протектората, persona Гитлера даже не рассматривалась. Западные соседи к немцам относились со смесью презрения и злобы. И ближе к концу русско-немецкой войны охотно в нее включились на стороне победителей, сумев-таки урвать себе немалый куш.

Взошедший на престол Александр IV оказался перед очень невеселой дилеммой. С

одной стороны — англичане, всюду занимающиеся формированием в русской Германии подпольных отрядов. С другой — немцы, порождающие таких радикалов, что на их фоне и Гитлер казался уважаемым консервативцем. Ну и война с бывшими западными союзниками по Антанте, вблизи которой не сомневался никто. Великобритания и Франция, обнаружив на границе России, откусившую столь впечатляющий кусок, даже не слишком-то и скрывали военных приготовлений. Восточный сосед в их глазах стал главной и единственной угрозой. За спинами союзников отчетливо возвышалась тень Штатов.

А вот дальше российские фильмы умолкали. А американские и английские, напротив, заливались, аки соловьи. Было из-за чего. Осатаневший от бесплодных попыток подружиться с новыми подданными, Александр IV одним росчерком пера — вернее авторучки — поставил себя рядом с Иваном Грозным.

«В Сибирь!» — короткая резолюция императора на очередном докладе вызвала в российских верхах жуткий переполох. Одним из первых царя поддержал тогдашний глава охраны, граф Финкельштейн. Этнический, к слову, немец.

За сорок второй год на восток вывезли сорок миллионов человек. И, конечно, российские железные дороги к такой задаче оказались не готовы. Огромные эшелоны, под завязку набитые людьми, еле ползли сквозь сибирские морозы, не хватало теплой одежды, топлива для обогрева, провизии... К сорок третьему, когда война с англичанами и французами все-таки началась, немцев в России осталось чуть больше пятнадцати миллионов. Остальные лежат в безымянных кладбищах, раскиданных вдоль Транссиба. Или — в Сибири и Забайкалье, где переселенцев выбрасывали чуть ли не посреди заснеженной тайги. Мол, кичитесь заложенным в германских генах созидательным началом — вот и валяйте, создайте. Гитлер, узнав о происходящем, покончил с собой.

Россия получила безопасный тыл на западе, а Охранная Канцелярия — то, что некоторые полагали нешуточным пятном на мундире. Рузвельт объявил Россию империей зла. Черчилль — азиатской ордой, на борьбу с которой должна встать вся европейская цивилизация. Русские исследователи вопроса закономерно указывали, что английского оружия, найденного после депортации, хватило бы на несколько дивизий. Виктору этот аргумент казался слабым — особенно если вспомнить, сколько вокруг Транссиба детских могил.

— Ты что, Достоевского перечитал? Откуда такая скорбь на челе? — Кэйко обладала фантастической способностью. Японка умудрялась даже на высоченных каблуках передвигаться столь бесшумно, что без труда дала бы фору любой кошке. Он даже не услышал, что она вернулась

— Привет, — Виктор улыбнулся, — да ничего особенного.

— Нет уж, рассказывай. Если тебя что-то тревожит, я хочу знать, что именно. — Веселье с миловидного лица исчезло, сменившись мрачной озабоченностью. Вот теперь, если не объяснить — причем честно! — что стало причиной плохого настроения, она не отстанет. Вернее, очень сильно обидится.

Виктор, вздохнув, поведал о злополучном фильме. Не то чтобы он его и впрямь «тревожил», но... Ай!

Японка, только что внимательно слушавшая покаянные рассуждения о превратившейся в геноцид депортации, костяшками пальцев взяла Виктора за нос. Миниатюрные пальчики ничуть не уступали стальным тискам.

— Знаешь, в чем ваша проблема? Всех русских. Вы очень добрые, но беда не в этом.

Беда в том, что вы пытаетесь натянуть свою доброту на весь белый свет.

— Ммм... — Было чертовски больно, но Кэйко и не подумала разжимать пальцы. А с зажатым носом не сильно-то поспоришь.

— И еще проблема в том, что вы упертые, как паровоз. Ну ничего, перевоспитаем. Впредь, Витя, трать доброту на меня. Еще на свою страну, друзей... И постарайся этой доброты дарить столько, чтобы на врагов ее не оставалось.

[1] Иностранец (яп.)

— Послушайте, Мейер, вы сами-то понимаете, что разыгрывать психа — идиотская затея?

Андреас сжался в углу камеры, обхватив себя руками. От былой хамоватости не осталось и следа. Затравленный взгляд впился в лицо Афонова. Внешне парень был в полном порядке, но что ж с того? Резиновой палкой нетрудно забить человека до смерти так, что он будет выглядеть как огурчик.

Афонов и сам не знал, зачем он добился от Такаги разрешения на визит. Вот хоть ты тресни, не нравилось ему, когда с людьми поступают таким образом. Хотя, из песни слова не выкинешь, в подвалах охраны в Петербурге тоже много чего с людьми делают.

— Понимаю. — Мрачно ответил парень, смерив Александра безнадежным взглядом.

— Так какого черта?.. — Растерялся штабс-капитан. Мейер совсем не походил на психа. Вернее, на сумасшедшего-то он и впрямь смахивал, а вот на прикидывающегося таковым — нет.

— У меня нет ответов, которые бы вас устроили. — Обреченно пробормотал немец.

— Лично меня вполне устроит правда. — Заверил Афонов. Несколько часов назад хамоватый американец вызывал зуд в кулаках. Сейчас же, жалкий и скорчившийся — лишь горькое сочувствие.

— Правда в том, что я потерял самообладание. — Буркнул Мейер, уткнувшись взглядом в пол. — Нужно было наплевать на этих ублюдков и уматывать.

Сомнительный комплимент, видимо, предназначался Ванееву и Накано.

— Да чем они вам так насолили?!

— Я вам уже ответил. Я не соврал, — криво усмехнулся Андреас, поежившись. Лицо парня исказила гримаса. Видимо, движение причинило ему немалую боль. Как бы подчиненные Такаги не перестарались...

— Ну и как прикажете это понимать? — Надо бы поговорить с японцем. Пусть что ли, с арестантом поговорит давешний врач, «экзаменовавший» найденышей. В конце концов, если двое по непонятной причине потеряли память, третий вполне мог поехать крышей.

— Послушайте, как вас там... — В направленном на Афонова сером взгляде неожиданно появилась безумная надежда, — Наверное, у меня есть кое-какие доказательства.

— Доказательства чего? Причастности Ванеева к депортации немцев? — Скептически уточнил штабс-капитан.

— Да нет... То есть, да, но не в этом дело. Я говорю о том, что мир должен быть совсем другим. Все это какое-то безумие. — Мейер на глазах терял остатки вменяемости.

— Ну и что за доказательства? — без особого энтузиазма поинтересовался Афонов.

— Перед покушением я перенервничал, — Андреас облизал губы, — и оставил сумку. На скамейке, около церкви. Послушайте, в Японии вроде не принято подбирать чужие вещи, может, она еще там, или в каком-нибудь бюро находок... Пожалуйста, посмотрите!

— И что такого в этой сумке? — Афонов подобрался, будто перед прыжком. Вряд ли немец таскал с собой что-то, действительно заслуживающее внимания. Но чем черт не шутит? Материальный предмет всяко лучше рассуждений о виновности в делах давно минувших дней.

— Там айпад. Ну, компьютер. Планшет. Пароль — семь семерок. Просто посмотрите на него, на его содержимое. Это... Честное слово, это легче увидеть, чем объяснить. — Парня трясло, словно припадочного. Ничего не скажешь, обработали его некисло.

— Чтож, договорились. Я скажу инспектору, чтобы к вам пока не применяли... форсированных методов.

Некоторое время Афионов бродил по ярко освещенным улочкам. Несмотря на поздний час, народу кругом было в избытке. Какой бы дружественной страной ни была Япония, она оставалась подчеркнута чужой и непонятной. Узкоглазые лица и мерный шум постепенно начинали наводить тоску. Вот бы оказаться где-нибудь на проспекте Александра Невского в родном Кенигсберге, и чтобы семья рядом, жена, дочери... Старшей скоро семь лет, а отец не устает шататься по командировкам. Не жизнь, а сплошной вояж, хоть увольняйся.

Мягкий колокольный звон выдернул из приятного забытья. Ага, вот и место, на котором когда-то погиб цесаревич Николай. Здесь, как ни странно, было совершенно безлюдно.

Валявшуюся на скамейке сумку Афионов обнаружил без труда. Повезло. Конечно, Япония, как, впрочем, и Россия — не то место, где бесхозную вещь прикарманит какой-нибудь пройдоха, но вот чрезмерно сознательных граждан хватает и там, и здесь. Пойди побегай по бюро находок. Они, небось, уже давным-давно закрыты.

Сердце радостно стукнуло в предвкушении: на свет божий оказался извлечен планшетный компьютер. Мягко говоря, не редкость... Если, конечно, не обращать внимания на значок производителя. Афионов готов был поклясться, что ни разу в жизни не видел странноватого логотипа: неведомый художник изваял на обратной стороне надкушенное яблоко. Бывает же у людей большая фантазия... А вот полицейским, которые проворонили забытую сумку, недурно бы устроить выволочку. Тоже мне, сыщики.

Дальнейший обыск сумки проходил куда бодрее. Мейер, быть может, и чокнутый, но на этот раз за сумасшествием стоит нечто материальное. Так-так... пистолетная обойма — ну, в этом удивительного мало... Небольшой блокнот с содержимым на английском. Уже интереснее. Особенно же привлекла Александра короткая запись «Мамору Хамада, 17–00. 23 июля 2019, Осака». Ниже Андреас любезно записал адрес, да еще и схемку нарисовал — чтобы точно, хе-хе, не ошибиться. Спасибо, родной, не ошибемся. Что же у тебя или твоих подельников должно завтра произойти такого интересного? И почему ты об этом даже не вспомнил? Впрочем, в этом удивительного мало. После обработки, которую ему устроили подчиненные Такаги, любые мысли о дальнейших планах наверняка вылетели у парня из головы. Ладно, и это проверим.

Всю дорогу до отеля он несся горным козлом. Сердце радостно бухало в груди: ну наконец-то хоть какая-то подвижка!

Пароль незнакомая машинка скушала безропотно, с готовностью продемонстрировав свое содержимое. Операционка оказалась совершенно незнакомой. Разобраться, впрочем, труда не составило, так что штабс-капитан уютно устроился в кресле гостиничного номера и приступил к изучению. По экрану бодро скользили красивые картинки, фотографии кошек... не то все это, совсем не то!

Интересное нашлось в папке со странным названием «реальность». Здесь фотографии оказались куда занимательнее. Например, тройка мужчин, развалившихся на стульях. Первых двух Афионов опознал без труда — американский президент Рузвельт и британский

премьер Черчилль. Сидевший с краю усач ни малейших ассоциаций не вызвал. Хотя, при этом, держался с поистине королевским достоинством рядом с могущественнейшими людьми своей эпохи. Скорее уж возникало ощущение, что эти двое откровенно робеют рядом с облаченным в простую шинель мужчиной. Подпись под фотографией и вовсе поставила Афонова в тупик. «Ялта, 1945».

С какой бы радости американцу и англичанину приезжать в разгар второй мировой в Россию? Рузвельт в те времена потрясал атомной погремушкой и грозил превратить российские города в груды радиоактивного щебня, а не сидел в Ялте с видом долгожданного гостя... Да и русские вместо приглашений сыпали обещаниями в том духе, что после первого же атомного взрыва на Лондон вместо бомб посыпятся головы американских военнопленных. Угроза, надо сказать, вызвала у генералитета союзников приступ небывалого пацифизма. Японцам было проще — к сорок пятому у американцев не было аэродромов, с которых бы удалось добраться до японской метрополии, а уютить крохотные острова в Тихом океане бомбами стоимостью в миллионы долларов — удовольствие сомнительное. Словом, непонятно все это...

Чем дальше Александр листал изображения, тем больше возникало вопросов. Как будто неведомый фотограф жил в реальности, вывернутой наизнанку неведомым шизофреником. Особенно его потрясла фотография, запечатлевшая простершиеся до горизонта руины, под которыми значилось совсем уж безумное «Последствия атомной бомбардировки Хиросимы».

Последняя же картинка оказалась финальной и донельзя эффектной точкой в чокнутой коллекции. Карта мира с нанесенными границами государств вернула Афонова в самое начало дурацкой истории. Посреди безумной и неузнаваемой мешанины странноватых, гм, образований гордо значилось: «Российская Федерация». Какой-то шутник обкарнал несчастную страну со всех сторон. Какой, к черту, Гамбург, если даже Минск и Киев вдруг стали вполне себе столицами отдельных стран... Японию тоже не обошли вниманием: вместо одной из крупнейших стран мира — огрызок, запертый на четырех островах. Зато, ишь ты, Индия с Китаем вполне себе едины, неделимы и независимы. Ну-ну...

— Бред какой-то, — пробормотал Александр. Рука дернулась бросить дурацкую машинку на кровать, но замерла в самом начале движения. Допустим, паспорт сделать — невелика хитрость. То есть, конечно, велика, но вполне реализуема. Нарисовать фотографии — допустим, тоже много ума не надо. Хотя для подделки все это выглядит слишком уж реальным. Но вот планшетный компьютер неизвестной модели, да еще и со столь же неизвестной «осью» — это, братцы, совсем уж форменное безумие. Какая-то американская контора решила таким вот экстравагантным образом прорекламирровать свое детище? Да нет, это-то точно полная чушь.

Закончив с фотографиями, Афонов открыл прилагавшийся к ним текстовый файл, оказавшийся чем-то вроде исторического очерка. Непонятно, кто был автором — возможно, сам Андреас — но что автор этот был больным на голову садистом, сомнений не вызывало. Особенно много внимания он уделил России. Сначала война с Японией (на тебе!), затем война гражданская, между некими «белыми» и «красными», затем трансформация в чудной Советский Союз, война против невесть как захватившей Францию, Польшу и Югославик Германии. И, в качестве сомнительной вишенки — распад в девяносто первом на те самые Федерации, Украины и прочие Узбекистаны. Известие о территориальных претензиях Японии, стремившейся вернуть Курильские острова, у Афонова вызвало полуистерический

смешок. Вот же... Здесь неведомая Федерация отличилась. Вместо Гамбурга и Хельсинки — Кунашир и Итуруп. Вот бы Такаги показать — пусть посмеется...

Конечно, Александр инспектору ничего демонстрировать не собирался. Дурацкий «поддельный паспорт» ненавязчиво и незаметно превратился в нечто, отдающее откровенной чертовщиной. Штабс-капитан был человеком весьма скептически настроенным по отношению к различной потусторонней лабуде, но иначе объяснить покоящийся в руках компьютер не мог.

Афонов тихо матюгнулся и полез за телефоном.

— Такаги-сан? Мейер не соврал.

— Что-то интересное? — Афонов только сейчас сообразил, что звонок в столь позднее время выглядит не слишком-то вежливым. Впрочем, японцы на работе повернуты до такой степени, что, вполне возможно, инспектор все еще сидит в кабинете за какими-нибудь отчетами.

— Не то слово... — Пробормотал штабс-капитан. — Прощу прощения, Такаги-сан, но...

Здесь контрразведчик запнулся. Как бы ухитриться объяснить правоохранителю, что происходящее с этого момента — совсем не его ума дело?

— Компетенция кэмпэйтай? — По-своему истолковал заминку инспектор.

— Именно, — ухватился за подсказку Афонов.

— Я сразу подумал, что без долбаного ЦРУ эта история не обойдется. — Александр, услышав ответ японца, с трудом удержал саркастический смешок.

— Пусть в ближайшие пару дней Мейер побудет у вас. Продолжать его обрабатывать теперь излишне.

— Как скажете. — Афонову показалось, или Такаги новость совсем не расстроила?

Хотя, чему тут печалиться — у инспектора теперь одной головной болью меньше.

Штабс-капитан положил телефон на подлокотник и задумался. По всему выходит, неплохо бы Накано и Ванеева переправить в Россию. Конечно, Япония — ближайший союзник... Но тут ему «повезло» напороться на вещи, которыми Россия вряд ли захочет делиться даже с самыми близкими друзьями. С другой стороны — Мейера-то выдрать из полиции точно не выйдет. Значит, результатами расследования делиться придется в любом случае. А это уже повод показать союзническую лояльность и все такое. Ай, какая разница, для таких дел существует высшее командование. Расследование пока еще не окончено. Предстоит путешествие в Осаку. Что-то подсказывало Афонову: не стоит доверять это дело посторонним.

Виктора разбудили тихие всхлипывания, раздававшиеся в темноте небольшой квартиры. Пришлось потратить некоторое время, чтобы сообразить, где он вообще находится. Сонный мозг далеко не сразу сумел похвастать должным уровнем сообразительности.

— Кэйко? Что случилось? — Собственный хриплый голос напугал парня как бы не сильнее, чем раздававшийся сбоку плач.

Японка не ответила. Лишь уткнулась ему в грудь и разревелась. Хрупкое тело сотрясала страшная дрожь.

— Господи, да что ж такое? — Виктор обнял девушку. Как ее успокоить? В голове на этот счет, как назло, не оказалось ни одной дельной мысли.

Увы, объятья помогли слабо. Вернее, вообще не помогли. Кэйко трясло так, что

невольно всплыли тревожные мысли на тему вызова скорой. Вот только для того, чтобы добраться до телефона, придется вылезти из кровати. Девушка же на попытку пошевелиться вцепилась в него мертвой хваткой.

— Кэйко! — От громкого окрика сработал звуковой выключатель и мрак над кроватью рассеялся под робкими лучами ночника.

Неизвестно, что тому стало причиной — то ли тревожный окрик, то ли включившийся свет, но девушка все-таки пришла в себя. В огромных глазах, расширившихся от необъяснимого страха, мелькнула тень осознания.

— Ой. — Вымолвила японка и еще крепче вцепилась в Виктора. Тот успел разглядеть, что зрачки по размерам совершенно не уступают радужке. — Просто... Это просто сон.

Приступ истерического смеха удалось поймать за хвост в самый последний момент. Такие эмоции сейчас точно не в тему. Ну ничего себе сны у возлюбленной...

— Да что ж тебе такое приснилось?!

— Да так... бред какой-то. — Кэйко виновато потупилась. — Будто бы мы с тобой бродим где-то в окрестностях Нанкина...

— Мгм. — Многозначительно откликнулся Виктор. Вроде бы где-то он раньше слышал это название. Какой-то город в Китае, но при чем бы тут он? Хотя, сон логичным быть вовсе не обязан. Иной раз и не такое привидеться может, ну так что ж с того.

— И вокруг много императорских солдат. Только не современных.

— Самураев, что ли? — Попытался уточнить Виктор. Может, зря он это делает? Кэйко явно начинала приходить в себя, так стоит ли тормозить память о «прекрасном» сновидении?

— Да нет, вроде тех, что во второй мировой были, — Кэйко зябко передернула плечами, и парень только сейчас догадался укутать обнаженную девушку в одеяло. Внутри получившегося кокона треугольное лицо японки больше походило на кукольное. — Мы стояли около огромного котлована и ты порывался подойти, чтобы посмотреть, что там. А я тебя отговаривала. Кажется, я... Я заранее знала, что там такое, и не хотела смотреть сама... И чтоб ты видел тоже. Но ты все равно пошел...

Кэйко снова пробила дрожь, в темных глазах проступили слезы.

— Это просто сон. — Попытался соскочить с неприятной темы Виктор. Неумелая попытка, впрочем, успеха не возымела.

— Там была огромная яма, заполненная трупами. — Мертвым голосом закончила девушка. — Сотни или даже тысячи мертвецов. Присыпанных землей, со следами страшных пыток... А я стояла рядом с тобой и равнодушно говорила, что в этом нет ничего интересного и надо идти дальше. Мне нужно было, чтобы ты ушел оттуда, и я делала вид, что все это не вызывает у меня никаких эмоций, я...

Сбивчивый монолог окончательно перешел в новые рыдания. А Виктор, наконец, вспомнил, где он раньше слышал упоминание Нанкина. В тридцать шестом японская армия заняла бывшую столицу Китая. Штурм плавно перетек в резню, после которой единственными живыми обитателями города остались крысы да сдуревшие от обилия падали вороны. Картина, нарисованная Кэйко, выглядела пугающе логичной. В те годы в окрестностях бывшей китайской столицы подобное вряд ли было большой редкостью. Одна беда: между их рождением и зловещими событиями — полвека с небольшим. Или Кэйко еще до потери памяти умудрилась насмотреться американских (японские об этих событиях почти не говорили) фильмов, а теперь мозг пытается как-то интерпретировать

возвращающиеся события из «прошлой жизни»?

Окончательно запутавшись в околонуточных предположениях, Виктор снова обнял вытирающую слезы японку. Девушка в ответ доверчиво уткнулась носом в подставленное плечо.

После пасторального Оцу Осака показалась Афонову взбесившимся дурдомом. Да что там Оцу, даже в Токио люди поспокойнее, хотя народу на улицах уж точно не меньше. Но факт остается фактом — стоило штабс-капитану выйти из скоростного поезда, как на него обрушился непрекращающийся гам, пронизанный чьими-то воплями, гудками машин и Бог весть чем еще. Как будто при создании мира весь запас рассудительности и умиротворенности Творцу пришлось потратить на остальную Японию — а вот на Осаке стратегический запас как раз подошел к концу.

Таксист-китаец, чьими услугами пришлось воспользоваться Александру, чтобы добраться до указанного в записке Андреаса адреса, наглым образом зажилил сдачу. Этот дурацкий факт окончательно вверх штабс-капитана в состояние растерянности: для Японии подобное казалось чем-то совсем уж запредельным. Здесь «облагодетельствованный» чаевыми официант скорее почувствует себя оскорбленным. Хотя, конечно, попытки «японизировать» китайцев остаются единственным, с чем у жителей Благословенных островов до сих пор не сложилось. Жители континентальных провинций империи «перевоспитываться» то ли не хотели, то ли не умели.

На очередное подтверждение своих слов Афонов набрел буквально через пару шагов — таксист привез Александра в порт, где гам изысканнейшим образом сочетался с сомнительным ароматом тухлой рыбы. Как назло, по пути не встретилось никого, у кого можно узнать дорогу. Александр мысленно прикинул — похоже, таксист привез его не к главным причалам, а к окраинам гигантского портового комплекса, где обосновались небольшие частные компании. Дальше водитель ехать отказался, сославшись на дурную славу района.

У ближайшего склада столпилась кучка китайцев, занимавшихся громогласным выяснением отношений. Ребята явно собирались перейти от слов к делу и устроить бучу.

— Эй, любезные! — На окрик Афонова спорщики отреагировали своеобразно. Несколько человек юркнули прочь, испарившись за ближайшим поворотом. Остальные застыли с обреченным видом. Удивительного в таком поведении мало — японские полицейские китайцев недолюбливают. При виде начинающейся драки городские без малейших колебаний пусят в ход дубинки, а то и чего покруче.

Впрочем, узнав, что свалившимся им на голову офицером движет лишь желание узнать дорогу, «аборигены» успокоились и замахали руками в нужном направлении. Один даже попытался клянчить деньги, но тут уж Афонов раздраженно цыкнул — и подсказчиков моментально след простыл.

Шагая в указанную сторону, штабс-капитан боролся с накотившей было совестью. Он бы не обеднел, расставшись с парой мелких купюр. Китайцам в Японии живется не очень сладко. Жители метрополии считают их народом бестолковым и никчемным. Если не сказать — «второсортным». Так что живут бедняги небогато. И, тем не менее, всеми правдами и неправдами рвутся на острова. Здесь их хотя бы более-менее прилично кормят...

За очередным поворотом дорогу Афонову заступили двое парней в одинаковых черных безрукавках. Эти, в отличие от давешних китайцев, смотрели с плохо скрываемым вызовом. Хотя, при виде золотых погон хамоватости во взглядах поубавилось. Собственно, именно для этого штабс-капитан и остался в мундире — с японским чинопочитанием офицерские

погоны сами по себе отличная визитная карточка.

Кстати, заступившие ему дорогу японцы тоже имели знаки отличия — руки у парней покрыты сложными, искусно выполненными татуировками, которые о профессии говорят не менее красноречиво, чем погоны. Якудза.

— Заблудился? — С вызовом поинтересовался тот, что слева. Афионов над худощавым японцем возвышался чуть ли не на две головы. И, похоже, последнему это уверенности не добавляло.

— Я ищу господина Мамору Хамаду. Знаете такого?

— И зачем я вам нужен, мистер? — На сей раз откликнулся тот, что справа. Ну ничего себе, вот это везение! В глазах у парня появилась настороженность — проблем с законом якудза не любила. А в любом визите любого офицера они видели именно что источник этих самых проблем. Вполне обоснованно, надо заметить.

Кстати, очень интересный вопрос — что общего у Андреаса с этим татуированным? Якудза — не благотворительная организация, куда случайный гайдзин может зайти для приобретения в долг пистолета.

На протянутую бумажку, доставшуюся от американца, парень лишь пожал плечами.

— Не понимаю по-английски.

— Здесь тебе назначена встреча. — Афионов забрал листок, — в семнадцать часов вечера.

— Да? Как интересно. — По тому, как стрельнули у Хамады глаза, и не самый искушенный наблюдатель бы без труда сообразил: врет. Александр, с его-то профессией, был как раз из тех самых, искушенных. — Никто мне ничего не назначал.

— В таком случае тебе повезло: Андреас Мейер на эту встречу точно не пришел бы.

На этих словах подобрались уже оба. Да так, что у Афионова возникло недоброе желание потянуться к висевшей на поясе кобуре. В теории, конечно, якудза, по традиции, не оказывают сопротивления полицейским, которые пришли их арестовывать. Но это, во-первых, теория, а во-вторых — не факт, что эти ребята распространяют действие обычая на офицера иностранной контрразведки.

— Чего вам надо? — хамоватости у парочки заметно поубавилось.

— Буду честен, ребята. — Решился Афионов, — у меня есть вопросы. Вы можете на них ответить мне, а можете — кэмпэйтай, в которую мне придется обратиться, если мы не найдем общий язык.

Японцы наградили золотые погоны тревожными взглядами. Видимо, проанализировали возможность обращения к кэмпай[1] забредшего на их территорию русского и сочли ее вполне реальной. Дальнейший ход их мыслей был совершенно очевиден. Одно дело — водить за нос полицейских, среди которых хватает и бездарей, и тех, кто любит шуршащие йены. А вот связываться с контрразведкой — совсем другое дело. Эти, если их обидеть, начнут действовать в ключе, который японским мафиози по вкусу совсем не придется.

— Идите за мной. Думаю, я знаю, кто вам сможет ответить, — решился, наконец, Хамада.

— Товарищи! Полчища Колчака рвутся к Перми. Эксплуататоры, буржуи и помещики хотят уничтожить советскую власть, власть трудящихся. Мы все, как один, должны...

Афионов недоуменно завертел головой. Какого черта?! Штабс-капитана окружала безмолвная толпа. Изможденные лица, изношенная и залатанная одежда... Александр

содрогнулся. Мрачные взгляды направлены на очкарика в кожанке, взобравшегося на импровизированную сцену, кое-как сколоченную из досок. Остается лишь повторить уже озвученный вопрос. Какого, собственно, черта?!

«Оратор» бесчинствовал, заводя сам себя. Фанатичные вопли разносились над площадью, заключенной в кольцо обшарпанных, ветхих строений.

Какой, к чертям собачьим, Колчак? Афонову при всем напряжении памяти не удалось вспомнить никого кроме адмирала времен первой мировой. Вот только знаменитый флотоводец не имел дурной привычки обзаводиться некими «полчищами», да еще и водить их на Пермь. Тем более — обороняемую русскими.

— Не о том мыслишь, господин штабс-капитан, — пробормотал себе под нос Александр. Какого черта вокруг происходит, вот о чем неплохо бы подумать.

— Эй, любезный! — окликнул офицер стоявшего неподалеку тощего парня в обносках. Тот обращение проигнорировал. — Эй!

Попытка привлечь внимание прикосновением провалилась на корню. Ладонь Афонова свободно прошла сквозь затянутое в ветхую ткань плечо неудавшегося собеседника. Офицер ошалело матюгнулся, шарахнувшись прочь. Что еще за?!

Яростные крики неведомого оратора сменились тяжелыми хрипами. Александр крутанулся, поворачиваясь к трибуне... Вот только трибуны там уже не было. И толпы вокруг. Вместо нее подобием строя застыли шеренги в серых шинелях. Над черными шапками развеялся российский триколор. Зато давешний очкарик никуда не подевался. Он отчаянно сучил ногами, раскачиваясь в обхватившей шею петле. На груди нелепо, в такт движениям, болталась табличка с надписью «большевик».

Внезапная метаморфоза окончательно заставила Афонова застыть с открытым ртом. Остатки самообладания еще удерживали штабс-капитана на месте, но где-то в глубине души начинал скрестись липкий червь паники. Бессмысленной и нерассуждающей.

В носу противно засвербело.

— Апчхи!

— Будьте здоровы. — произнесенная с чудовищным акцентом фраза вернула Афонова в реальность. Вокруг разносился мерный гул самолетных двигателей.

— Спа... спасибо. — Ошалело хрюкнул Афонов, уставившись на растерянного японца. Вообще-то, обычно здесь игнорируют чихающих собеседников, но этот, похоже, решил поступить на русский манер.

— Что-то не так? — Встревожился якудза, увидев перекошенное лицо штабс-капитана.

— Заснул, кажется. Ну и дрянь мне приснилась, — виновато развел руками офицер. Попугчик вежливо кивнул и потерял к Александру всякий интерес. Тот откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Не сон это был. Совсем не сон.

Мозг послушно восстановил цепочку событий: вот Афонов забирается в салон небольшого гидросамолета, усаживается... Попугчики попросили пристегнуться, что и было сделано. И сразу же после этого он оказался... В Перми?

Кажется, что-то такое он где-то видел. Ну точно, в треклятом планшете Мейера. В его «версии» первая мировая закончилась для России гражданской войной, в которой русские люди истребляли друг друга столь осатанело, что любой американец обзавидуется. Красные, одержимые малопонятной идеей светлого будущего и режущие ради нее людей, будто скот. Белые, лихорадочно пытающиеся собрать воедино обломки рухнувшего мира. Сломленные и отчаявшиеся, готовые схватиться за руку тех, кто России уж точно не желает ничего

хорошего.

Афонова едва не передернуло. Похоже, пора навестить психиатра. Прийти и сказать, так, мол, и так, доктор, начитался я литературы из неведомого параллельного мира, мне теперь всякая дрянь мерещится, пропишите уколы и выдайте больничный.

Окружающий мир отозвался равнодушным рокотом двигателей. В транспортное средство, принадлежащее якудза, Александр попал по их же приглашению. Разговор с «начальником» приснопамятного Хамады вышел недолгим: золотые погоны, пара завуалированных угроз и крупная сумма наличными оказали на руководителей «транспортной компании» самое благоприятное воздействие. Поломавшись ради приличия, японцы живо выложили подноготную ситуации: Мейера они должны были встретить и переправить в Шанхай — к товарищу, вылетевшему часом ранее. Американцы не могли воспользоваться официальными путями — без документов японскими авиакомпаниями не полетаешь. А вот якудза, перевозившие из Осаки не совсем легальный товар, вполне удовольствовались одними лишь йенами. Куда американцы собирались отправиться дальше — вопрос открытый. Скорее всего, в Штаты. Из Японии без документов до Америки не добраться, но в Китае порядка куда меньше. Вот только компаньонами якудза для парочки беглецов оказались неважными. Проявленного русским интереса, подкрепленного шуршащими аргументами, оказалось достаточно для «пересмотра условий сотрудничества».

Иными словами, некий Майкл Макконал по приземлении будет незамедлительно скручен и доставлен туда, где Афонов получит возможность побеседовать с ним с глазу на глаз. Александр было заикнулся, что, чем отправлять его на континент, легче вернуть в Осаку самого беглеца. Якудза тут же подняли цену впятеро. Мол, гонять самолет порожняком из-за одного американца — удовольствие недешевое. Ну или ждите трое суток. Пришлось Афонову отправляться в Шанхай в компании молчаливого сопровождающего. После короткого обмена репликами во время взлета, японец заговорил лишь через два часа:

— Подлетаем, Афонов-сан.

Александр с любопытством заглянул в иллюминатор. Увы, Шанхай на роль туристической Мекки откровенно не тянул. С высоты открылся вид на серо-желтый городишко. Одинаковые коробки с покатыми жестяными крышами перемежаются совсем уж непрезентабельными лачугами — вот и весь пейзаж. Нечего даже пытаться сравнивать с Осакой или Токио с их бесконечными многоярусными автострадами и рвущимися в облака небоскребами. Да и на ухоженные российские города похоже мало. На фоне безнадежных трущоб выделяется лишь огромный порт: как и большинство других прибрежных городов, Шанхай Японией используется лишь как перевалочный пункт для добываемого на континенте сырья. Иными словами — типичный город чернорабочих, грузчиков и прочего обслуживающего персонала, который горбатится круглые сутки ради чашки скверного риса.

В глубине континента дела обстоят еще хуже. Странно, что население японского Китая до сих пор умудряется держаться на отметке в семьдесят миллионов. Империя уже полвека как отказалась от «политики великого очищения», но с пятидесят седьмого года население почти не выросло: без работы и еды особо не расплодишься. Даже если тебя уже давным-давно не закидывают напалмовыми бомбами в отместку за убитого в соседней деревне японского солдата.

Самолет приземлился, вернее, приводнился в стороне от центрального порта, что и неудивительно: вряд ли в планы якудза входила встреча с официальными лицами. Судя по

той спешке, с которой его вывели из самолета, легальностью таинственный груз похвастать не мог. Ладно, это все дело десятое.

Черная тойота на шанхайской дороге пустилась в безудержный пляс. Внедорожник, кажется, взялся научиться танцевать гопака. Дорожное покрытие то ли отсутствовало как класс, то ли состояло целиком из ям и ухабов. Никогда прежде Афонову не доводилось видеть ничего подобного. Японец же и не думал сбавлять скорость, так что осталось лишь вцепиться в ручку над дверью машины и надеяться, что издевательство не продлится слишком долго.

Мимо проносились обветшалые домишки с нецензурными надписями на уцелевшей кое-где штукатурке. Некоторые местные художники, оказывается, вполне владели русским матерным.

— Приехали, Афонов-сан, — проинформировал японец, остановив внедорожник около покосившегося двухэтажного здания. Господи, неужели эта пытка закончилась? — Проводить вас?

— Будьте так любезны. — Как будто он всю жизнь только тем и занимается, что навещает подобные, гм, учреждения и сходу способен определить, где якудза держат заложников, пленников и тому подобный... товар.

Оказавшись на твердой земле, Александр испытал кратковременный приступ счастья. Наконец-то окружающий мир перестал вертеться и подпрыгивать, словно упившаяся юла. Из дверей выглянул еще один японец. Взгляд контрразведчика тут же зацепился за кобуру, из которой торчала рукоять пистолета. Местный охранник смерил штабс-капитана подозрительным взглядом, затем заметил вышедшего из тойоты проводника и согнулся в поклоне.

— Сюда, прошу вас. — Афонова провели по узкому коридору. Под ногами проскрипела рассохшаяся лестница: в доме, как выяснилось, имелся полноценный подземный ярус. Наконец, путешествие закончилось перед металлической дверью. Парень с пистолетом зазвенел ключами.

— Он здесь. После того, как закончите, сможете найти меня на втором этаже. Вот ключ. — Судя по всему, провожатый разрывался между любопытством и нежеланием лезть в дела контрразведки. Последнее явно лидировало, что говорило в пользу наличия у парня инстинкта самосохранения и некоторой толики житейской мудрости.

— Благодарю, — Афонов, нагнувшись, вошел в небольшую каморку. Обычный подвал, освещенный покачивающейся под потолком лампочкой. Из мебели лишь пара стульев. На одном из них съежился молодой парень в перепачканной одежде. На некогда холеном лице красовался внушительных размеров синяк. Видимо, задержание не обошлось без эксцессов.

— Майкл Макконал? — Уточнил офицер, прикрыв за собой дверь.

— Он самый, — хрипло ответил американец, смерив Александра настороженным взглядом. От дальнейших комментариев парень воздержался.

— У меня к вам пара вопросов. Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны, чтобы ответить на них?

— А что, у меня есть выбор? — Лицо пленника исказила кривая усмешка.

— Пожалуй, нет, — согласился Афонов. От идеи усесться на второй стул он отказался. Помещение не выглядело слишком уж чистым. И еще — в подвале царил влажный, липкий холод. Не самое приятное местечко. Странно, что Макконал до сих пор не выбивает зубами дробь. — Я не представился. Штабс-капитан Афонов.

— Русский? — Недоуменно нахмурился Майкл, — У вашей-то страны ко мне какие претензии?

— Вам знакома эта вещь? — Из кожаной сумки с шорохом показался планшет Мейера. В глазах Макконала мелькнуло узнавание.

— Теперь понятно. Я знал, что этот придурок попадет. — Американец ссутулился. Похоже, судьба Андреаса его здорово опечалила. — Умоляю, скажите. У него хотя бы получилось?

— Вы осведомлены о его планах? — Нейтральным голосом осведомился Афонов.

— Не нужно игр. — Макконал поморщился, — вряд ли он подарил вам айпад из случайного порыва щедрости. Накано мертва?

— Нет.

— Жаль. — Майкл понурился еще сильнее. — Эта гнида со своим напарником стали бы последними, о ком я горевал.

— С чего такая антипатия? — Афонов нахмурился. Похоже, Андреас оказался вовсе не одинок в своей иррациональной ненависти.

— Боюсь, вы сочтете меня сумасшедшим, если я отвечу. — В глазах американца мелькнуло нечто, подозрительно похожее на отчаяние. Решил, что его сейчас будут бить?

Афонов в ответ лишь хмыкнул. Все чудесатее и чудесатее.

— То есть, вы, следом за Мейером, полагаете Накано и Ванеева ответственными за ошибки при депортации немцев? Я, признаться, раньше не думал, что шизофрения бывает заразной.

Александр поймал себя на том, что пытается храбриться, прекрасно понимая, что дело вовсе не в психических расстройствах. Ни один шизофреник не сумеет создать компьютер и операционную систему, существующие в единственном экземпляре. Штабс-капитан потратил некоторое время, пытаясь найти производителей треклятой машинки, но все поисковики лишь апатично разводили руками да подсовывали сайты компаний, торгующих фруктами. На то, что некое «Яблоко» способно производить компьютеры или ПО, никаких намеков.

— Ну, Андреаса можно понять. Узнав о судьбе своего народа, он потерял голову, другое его не интересовало. Если уж заниматься арифметикой, количество жертв Накано и ее подельника перевалило за полмиллиарда.

Афонов издал тихий стон и демонстративно закатил глаза к потолку.

— Макконал, скажите честно. Вы отдаете себе отчет в том, как выглядите со стороны?

Американец на мгновение задумался, а затем по убогой комнатухе раскатился его веселый смех. В исполнении забитого пленника, жизнерадостный хохот отдавал совсем уж неприличным сюрреализмом.

— Как психопат, да? Последние несколько дней я и впрямь отчаянно пытаюсь понять: то ли свихнулся я, то ли весь мир. Вы ведь смотрели содержимое планшета? Андреас, вроде бы, на досуге собирался набросать исторический очерк или что-то вроде этого...

Афонову живо вспомнилась как полубезумная писанина, так и собственный малоприятный «опыт».

— Он так и поступил.

— Если бы не Накано со своими подельниками, мир бы был именно таким. Куда более... благополучным и спокойным, чем то подобие преисподней, в которую мы все загремели из-за этой косоглазой дряни.

Мнение это Афонову показалось, мягко говоря, спорным. Впрочем, сейчас офицера заботило несколько другое.

— А теперь, будьте добры обойтись без излишней патетики. Вменяемое в моих глазах вы пока что выглядеть не начали.

— Вы еще не поняли? Несколько человек, включая японку, сумели проникнуть в прошлое и нарушить естественный ход событий. — Макконал нервно облизнулся. Видимо, ожидал взрыва негодования или насмешек.

Афонов, впрочем, спешить с выводами не стал. Штабс-капитан давно отчаялся подыскать разумное объяснение происходившей вокруг чертовщине. Раз так, самое время рассмотреть остальные версии. Пусть даже столь бредовые.

— Ну хорошо, допустим. Что же, им повезло повстречать безвестного гения, собравшего у себя в гараже машину времени?

Майкл смерил Александра мрачным взглядом. Видимо, попытался просчитать дальнейшие варианты — и нашел их на редкость удручающими.

— Смелее, — подбодрил Афонов. Сдать американца в психушку никогда не поздно. Или самому туда отправиться. Офицер поймал себя на пугающей мысли, что озвученное американцем неплохо объясняет всю цепочку дурацких событий.

— В мире всегда существовали люди, способные на перемещения во времени. — Макконал немного помолчал, наблюдая за реакцией собеседника. Александр остался бесстрастен. — Некоторые люди из-за каких-то особенностей строения мозга способны воздействовать на окружающий мир. Их не так уж и мало, хотя большинство совершенно не понимает собственного потенциала и довольствуется быстрым исполнением желаний, списывая все или на упорство и таланты, или на везучесть. Такие люди быстро продвигаются по карьерной лестнице, или становятся звездами шоу-бизнеса... А есть те, кто умеет пользоваться этой способностью целенаправленно и на полную мощность.

— Вы к таковым относитесь? — На всякий случай уточнил Афонов. Штабс-капитан почувствовал себя едва ли не оскорбленным. Он был как раз из тех самых, кто полагает упорство и прилежность главным рецептом успеха. Не такое уж большое удовольствие — узнать, что ты чего-то добился не благодаря стараниям и труду, а из-за не туда повернувшейся при рождении извилины в голове.

— Да. Полноценно обученных в мире мало. Невероятно мало. Счет идет на десятки.

— Где ж вас, таких, выводят? — Поинтересовался Афонов, — В какой-нибудь масонской ложе?

— Нигде нас не выводят. Мастер, обнаружив человека с хорошим потенциалом, может научить его тому, что умеет сам. Плодить учеников сверх меры никто не станет — это не те знания, которые разумно предавать широкой огласке.

— Ну надо же, у этих ваших «мастеров» есть некоторое количество мозгов, — пробурчал Александр.

— До недавнего времени я входил в самую многочисленную группу вершителей. Так мы себя называем. — Макконал проигнорировал ехидное замечание, — нас было пятнадцать человек. Более, чем достаточно, чтобы отбить у других желание поиграть в изменение мира.

— Устроить магическую дуэль что ли? — Снова не удержался от шпильки Афонов. Он и сам не мог понять, что творится в его голове. Разум, привыкший оперировать сухими фактами, громогласно требовал сдать американца в ближайший дурдом. Но где-то в глубине души зрело скверное предчувствие, что никаким помешательством здесь и не пахнет.

— В определенные моменты времени в строго определенном месте группа вершителей, объединив усилия, способна прорваться в прошлое... При условии отсутствия противодействия. Нам время, пригодное для очередного перехода, было известно не хуже, чем конкурентам. Все, что оставалось сделать — поставить «помехи», исключив прорыв и оставив мир неизменным.

— К чему вообще менять ход истории? — Афонов неопределенно пожал плечами, — у человека вполне достаточно сил, чтобы изменить настоящее. Не всем хватает умения или желания, это да, но...

— Это уже вопрос представлений человека о том, как выглядит идеальный мир. Кто-то стремится построить светлое будущее, кем-то движет оголтелый патриотизм или приверженность религии... Встречаются и те, кто руководствуется более корыстными мотивами. Вместо того, чтобы по крупице изменять окружающую реальность, можно перенестись лет на сто назад и одним движением перекроить судьбы миллиардов людей в нравящуюся сторону.

— И у Накано и Ванеева это получилось? Что ж ваш масонский междусобойчик им не помешал? — Если все это окажется правдой... Закончить мысль Афонов не сумел. Что тогда? Искать этих чертовых «розенкрейцеров» по всему миру? Каким образом? Счетчик Гейгера здесь, увы, бессилён.

— Идиотская авиакатастрофа, — процедил Макконал. — Вы будете смеяться, но вся наша группа за исключением меня и Андреаса погибла по совершенно дурацкой причине. Вот вам, кстати, еще один наглядный пример. Самый могучий вершитель, оказавшись в падающем самолете, бессилён. А вот попав в прошлое, можно ему дать колотушкой по затылку — и он опоздает на рейс.

— Получается, ваши супостаты получили долгожданный шанс? А вы почему не применили свой волшебный трюк с колотушкой? — В оперативной работе таким ребятам цены бы не было, иронично подумал Афонов. Хотя, если честно, от таких разговоров становится не до смеха.

— Накано и остальные сумели первыми. Долетели до Нанкина, где открылась соответствующая точка, и сумели пробить брешь в середину тридцатых прошлого века. Можно, я не буду утомлять вас деталями? Достаточно того, что нам с Мейером пришлось вдвоем гнаться за пятеркой конкурентов. Времени «воскресить» товарищей уже не оставалось.

— За пятеркой? — Афонов нехорошо прищурился. — То есть, где-то гуляет еще трое путешественников во времени?

Этого еще не хватало.

— Нигде они не гуляют, — криво усмехнулся Макконал. Двоих из них, братьев Макао и Каору Сато, мы сумели перехватить и... нейтрализовать. Пятый, Зигфрид Штильмер, тоже вас уже не беспокоит.

— Немец?! Гражданин Германии добровольно устроил собственной стране такое будущее? — Афонов недоверчиво покачал головой. Макконал в ответ желчно рассмеялся.

— Я уже говорил, что Накано — та еще гнида? Для прорыва в прошлое ей нужна была команда из пяти человек. Так что она сумела убедить Штильмера, что, помогая им, он возрождает Третий Рейх во всей его сомнительной красе. Ну а после того, как прорыв состоялся, нужда в попутчике отпала и несчастный парень получил пулю в затылок.

— Ну и методы у вас. — обескураженно пробормотал Афонов. Безобидные найденыши,

занятые друг другом да клубничным мороженым, оказались теми еще... фруктами. — И чего они натворили в тридцатых?

— Ничего, насколько мне известно. Путешествия во времени — штука далеко не такая простая. Им удалось добраться до Оцу, где был совершен переход в более ранний период.

— Пойдите, вы намекаете, что убийство цесаревича Николая — их рук дело?! — Осенило Афонова. В памяти всплыли давным-давно забытые строчки из учебников. Наследник российского престола во время визита в Оцу получил несколько пустяжных царапин от чокнутого полицейского. Раны не представляли ни малейшей угрозы. И, тем не менее, цесаревич после покушения прожил всего несколько часов: сабля убийцы оказалась смазана смертельным ядом. Сам террорист до последнего отрицал использование отравы. Ему, ясное дело, никто не поверил. Если предположить, что саблю умаслил неведомый «доброжелатель», точно знающий кого и когда злополучной железкой будут рубить...

— О чем я и говорю. Вместо доброго и безвольного царя на престоле России оказалась та еще скотина. Изворотливая, циничная... И успешная. — Тоскливо подтвердил Макконал.

— А амнезия? — Уточнил Афонов.

— После того, как было совершено убийство, началась трансформация. Огромный пласт истории отваливался, заменяясь на новый. В это время Накано и Ванев должны были целиком и полностью управлять процессом, но им, видимо, это не удалось. В итоге события вырвались из-под контроля. Они еще легко отделались.

— Но миру это измениться не помешало, я смотрю.

— Конечно, но проверни они все правильно — и появились бы в 2019-м с памятью, полноценными документами и прочей шелухой, необходимой для жизни. А так они оказались чужаками в собственной реальности.

— Мгм... — Афонов озадаченно почесал затылок. Найти хоть какую-то нелогичность в сказанном у него не получалось. С одной стороны — типичная теория заговора напополам с бредом сумасшедшего. Одна беда — а как еще объяснить диковинный компьютер Мейера или паспорт Ванеева? Или водительские права, выданные Андреасу в Гонолулу.

— Ну, допустим. — Озадаченно пробормотал Афонов. И что теперь делать с этим «вундеркиндом»? С одной стороны — неплохо бы связаться с коллегами из кэмпэйтэй, благо «дело о подделке документов» вылилось в черт знает что. С другой...

От обескураженных размышлений Александра отвлекло жалобное детское хныканье, больше напоминавшее скулеж умирающей собаки. Резко развернувшись, штабс-капитан с ужасом уставился на источник странного звука. Крохотный мальчишка, зарывшийся в неопрятное тряпье, больше похож на обзаведшийся выпирающим пузом скелет, нежели на живого человека.

— Тятя, дай немного хлебца... Чуть-чуть совсем... — Афонов застыл, парализованный ужасающим зрелищем. Мальчишка тихо скулил, глядя в потолок бессмысленными глазами. Слова эти обращены вовсе не к офицеру — несчастный просто бредит. Всхлипы перешли в неразборчивое бормотание.

Штабс-капитан обернулся. Вместо прикованного к стулу Макконала — тонущие во мраке углы неведомой хибары да русская печь, щерящаяся на незваного гостя черным провалом. Опять?!

Александр грязно выматерился. Помочь мальчонке? А как ты ему, спрашивается, поможешь? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: единственный способ проявить милосердие здесь — добить, чтобы разом закончить тот ад, в котором тонет

несчастный ребенок. Человека в таком состоянии уже не спасти ничем.

Афонов тихо всхлипнул. И что прикажете делать? Достать из кобуры пистолет и выстрелить несчастному в лоб? Это еще при условии, что подобное действие даст хоть какой-то результат — офицеру вспомнилась попытка дотронуться до плеча слушателя приснопамятного оратора-большевика.

Попытка подхватить с печки кривой ковшик подтвердила: единственное, что доступно Александру в поглотившем его кошмаре — роль безвольного наблюдателя. Ладонь свободно прошла сквозь деревянную ручку, не встретив ни малейшего сопротивления.

— Тятя, дай немного хлеба...

Не выдержав, Афонов бросился прочь из хибары. Рука беспомощно провалилась в доски двери. Ах ты!.. Задержав дыхание, словно перед прыжком в воду, Александр, зажмурившись, бросился на препятствие, словно собирался высадить преграду лбом.

Он метался по занесенной снегом деревне в отчаянных поисках выхода. Самообладание отказало напрочь. Можно не кланяться пулям, рисковать собой и, что куда тяжелее, собственными товарищами. Выдержать преисподнюю, в которую его зашвырнула неведомая сила, оказалось невозможно. Заснеженные покосившиеся избы щерились на офицера безжизненными провалами окон, за которыми — ничего кроме смерти и обезображенных тел.

А еще в голове Афопова время от времени вспыхивали невесть откуда взявшиеся знания — словно неведомый диктор зачитывал бархатистым усталым голосом сводки новостей. И от новостей этих волосы вставали дыбом. Окончательно доконало Александра известие о том, что советская (что бы ни означало нелепое слово) власть приняла помощь американского правительства в борьбе с голодом в Поволжье, свидетелем которого невольно стал штабс-капитан. Если уж скряги-американцы готовы помочь...

На окраине деревеньки грязный и оборванный мужик сосредоточенно тащил в избу мешок, из которого торчала человеческая нога в валенке. К горлу подкатила тошнота. Каждый сражался с голодом как умел. Некоторые — ценой полной утраты человеческого облика.

Афонов сжал зубы в отчаянной попытке сдержать рвоту. Однако отвернуться от жуткой ноши не получалось — тело вдруг перестало слушаться. Момент перехода вновь не удалось уловить — Александр внезапно ощутил себя валяющимся на полу в грязной комнатенке, откуда и началось треклятое «путешествие».

— Что с вами, сударь? Вы очнулись? — Голос американца показался едва ли не ангельским хоралом. По крайней мере, его физия несравненно лучше, чем дикие картины столетней давности.

Афонов кое-как уселся. Где-то на краю сознания мелькнула сполошная мысль — страшно представить, во что превратился мундир от лежания на полу. Мелькнула и исчезла. Штабс-капитан привык относиться к внешности с подобающим тщанием, но сейчас это последнее, о чем стоит беспокоиться.

— Что-то мне подсказывает, сударь, что спросить об этом я должен у вас, — хрипло пробормотал Александр, пытаясь подняться. Встать удалось не с первой попытки, но, худо-бедно, водрузить себя на две конечности удалось.

— У меня? С чего бы? — Макконал удивился столь неубедительно, что Афопова в другой ситуации разобрал бы смех. Вот только сейчас было не до веселья.

— Какого черта мне мерещатся сцены из ваших рассказов? — Прорычал штабс-капитан, наградив американца разъяренным взглядом.

— Просто побочный результат... — Майкл осекся, увидев выражение лица Александра.

— Не знаю, чему вас учили в вашей... масонской ложе, но вранье в этот список явно не входило. Лучше бы вам проявить чуть больше ума и правдивости. — В последних словах сквозила откровенная угроза. Больше всего Афонова беспокоило даже не собственное психическое здоровье, а поведение американца. Раз врет — значит, есть что скрывать.

— Из-за амнезии Накано и Ванеева, реальность очень нестабильна. — Макконал покосился на офицера с явной опаской. Говорил пленник неохотно, но страх оказался сильнее. — Если в измененном мире один из вершителей, изначально ему принадлежавших, соприкасается с предметами или информацией из «прошлой» реальности, есть серьезная вероятность полной отмены свершившегося изменения. Так что эти галлюцинации — хороший признак. Видимо, ваш мозг всюду принялся излучать в мир информацию о том, каким он должен быть на самом деле. Этаким троянский конь.

— Я тут при чем? — Недоуменно нахмурился Афонов. Слова Макконала отдавали совсем уж запредельным безумием, — я к вашей секте отношения не имею.

— К «секте», конечно, нет, — американец неожиданно ухмыльнулся. На лице проступила ядовитая ухмылка. Как будто безнадежное поражение в одночасье превратилось в сокрушительную и полную победу. — Но потенциал вершителя у вас есть. Я же говорил, людей со способностями очень немало. Обучение в данном случае необязательно. Удачно получилось. Самое крайнее через неделю амнезия у Ванеева и Накано закончится — и подобный трюк уже не провернешь.

— И вы мне пытаетесь доказать, что из-за всех этих нелепых рассказов, которые вы мне на пару с подельником наплели, Россия опять превратится в странноватую федерацию со всеми вытекающими? — Скептически уточнил Афонов. Можно, пусть со скрипом, поверить во все, что наговорил ему американец, но последнее известие тянуло на совсем уж форменное сумасшествие.

— Вопрос двух-трех дней. — Самое паршивое, подумалось штабс-капитану, Макконал в своих словах, похоже, не сомневается. — Что поделать, так уж устроены наши с вами головы. Вселенная чертовски доверчива к их содержимому.

— Думаю, мы с вами еще найдем, о чем побеседовать, — мрачно пообещал Афонов. — Не уходите пока никуда.

Заперев за собой дверь, офицер отправился на поиски местных обитателей. В голове царил полный кавардак.

— Узнали, что хотели? — Поинтересовался якудза, дожидавшийся рядом с охранником у выхода из здания.

— Не до конца. Есть возможность подержать его здесь еще пару дней? — Поинтересовался Афонов, вернув ключ от камеры.

— Да хоть неделю, — безразлично пожал плечами японец. — Шеф велел оказывать вам помощь, а гайдзин нас не обременит.

[1] Кэмпай — сотрудники кэмпэйтай

Александр медленно брел по кривой шанхайской улочке, вдыхая пропитавшую город вонь. Китайцы, в отличие от японцев, о чистоте заботились мало. Так что то и дело приходилось обходить кучи отбросов и подозрительного вида лужи. Интересно, каков Шанхай в той реальности, которая, если верить Макконалу, вот-вот властно заявит о своих правах на эту сумасшедшую планету?

В сорок девятом, когда правительство Чан Кайши капитулировало, японцы не очень-то долго пытались найти общий язык с новыми подданными. Имперская администрация в ответ на непрерывную партизанскую войну приступила к «политике великого очищения». Международный Дипломатический Конгресс, созданный после второй мировой, попытался принудить страну восходящего солнца отказаться от подобных мер, но Россия и Япония заблокировали проект декларации. Китайцы пытались бежать в пророссийскую Западно-Китайскую Республику, кому-то это даже удавалось, хотя куда больше народу перехватили санитарные кордоны японцев. К пятидесяти седьмому, когда «великое очищение» закончилось, китайцев в японской зоне осталось чуть более шестидесяти миллионов человек. И теперь, выходит, этот забитый народ получает второй шанс на собственную страну. Как и индийцы. Впрочем, эти-то, по сравнению с китайцами, отделались легким испугом.

Афонов тяжело выдохнул и опустился на корточки, опершись спиной о стену очередной хибары. Он чертовски мало знал о мире, который, похоже, и впрямь вот-вот из-за него возникнет. Не будет поездов смерти. Немцев никогда не запрут в Сибири, где они будут медленно растворяться в местных национальностях. Столицей Германии будет не Штутгарт, а Берлин... В котором едва ли будет что-то от того размеренного провинциального болота, каким он является сегодня. Выживут сотни миллионов человек. Многие выживут, злобно подумал Александр, но только не те, кто в сорок пятом окажется в Хиросиме. И еще какие-то идиоты умудряются славно обрезать со всех сторон ту самую Россию, которой он, Охранной Канцелярии штабс-капитан, однажды присягнул на верность. А сам русский народ вдосталь нахлебается собственной крови — куда больше, нежели в русско-германской и второй мировой.

Стоят ли обретенные во второй мировой территории и богатства той цены, которую заплатили русские и японцы сами... и заставили заплатить весь остальной мир, хотел он того или нет?

Пойди разберись. Хотя, конечно, все может быть куда проще, и следует больше внимания уделять таким прекрасным вещам как сон и отдых. Афонов со вздохом потер глаза. Последние дни вышли донельзя сумбурными.

Из тяжелых раздумий Афонова вернула в реальность приятная, мягкая музыка. Источником звука оказался архаичный динамик, установленный на столбе неподалеку.

— Опять! — Прошипел штабс-капитан. — Да сколько...

— Внимание! — Музыку сменил мощный мужской голос. Афонов едва не зажмурился. Чистейший русский язык без малейшего намека на акцент. Подумать только, как мало для счастья надо тому, кто слишком много времени провел на чужбине. Около столба тем временем собралась немалая толпа. Афонов напряженно смотрел на своих соотечественников. В небогатой (чтобы не сказать — бедной) одежде, на лицах печать

напряженного ожидания.

— Внимание, говорит Москва. Передаем важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза!

Сначала советская власть, подумалось Афонову, теперь вот — Союз. И у Мейера в его писульке то же самое.

— Сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!

Какие же у них лица... Страшные, напряженные, угрюмые. Взгляд споткнулся о статного молодого человека в непривычной военной форме. Лицо показалось странно знакомым. Мысли о нереалистичности происходящего вышибло, словно молотком. Штабс-капитан уже однажды видел его в семейном альбоме. Прадед. Знаменитый контрразведчик, полковник охраны. Именно фотографии, с которых жизнерадостно улыбался статный красавец в черной форме, восхитили маленького Сашу настолько, что он с самых малых лет мечтал однажды надеть такую же.

Сейчас Сергей Афонов радостным не выглядел. Мрачное и сосредоточенное лицо скорее было бы уместно на похоронах... Или на погружившейся в давящую тишину улице.

— Да ничего страшного. Погонят немца до самого Берлина. На пару месяцев всех дел. — Беспечный голос откуда-то из толпы заставил щеку прадеда нервно дернуться. Он, похоже, на этот счет придерживался совсем другого мнения. Александр стоял совсем рядом, но мрачный офицер смотрел сквозь потомка.

— Сергей Афанасьевич... — Попытался позвать Афонов. Никакой реакции. Ну конечно, окружающие его не видят.

Вторую попытку предпринять он уже не успел: оглушительный грохот сбил штабс-капитана с ног, земля пошатнулась, словно от чудовищного удара. Афонов рухнул на зеленую траву. Сверху посыпался непонятный сор. На траву?!

«Декорация» сменилась на зеленый луг, по которому тут и там распластались солдаты в зеленой униформе. Сверху равнодушно синее небо безразлично смотрит, как среди сжавшихся людей рвутся снаряды. Первый, второй... Земля подпрыгивала, словно обезумевшая.

— Встать! Встать, сукины дети! Вперед! — Опять прадед, все в той же непривычной форме, правда на этот раз — измазанной в грязи и копоти.

— Ну! За Родину! — люди, только что скулившие от ужаса, поднимаются. Афонов содрогнулся от той ненависти, что горела в их глазах. — За Сталинааа!

— Урааа! — Дикий рев бросившейся вперед пехоты. Последнее, что увидел штабс-капитан — как стремительный росчерк пулеметной очереди, словно бритва, распарывает живот прадеда.

По атакующим порядкам словно проходит коса. Люди валятся на землю, захлебываясь кровью, теряя конечности. Оглушительный грохот за спиной. Танк с красной звездой на башне мало что не в упор расстреливает холм, с которого бьет пулеметчик.

Афонов почувствовал, что по щекам текут слезы. Люди, которые умирали вокруг, не видели подтянутого офицера в чистом черном мундире. А он ничем не мог им помочь. Он даже не знал, как вырваться из кошмара, в который его затянула неведомая сила.

Мир словно раздробился на тысячи обломков, каждый из которых остервенело впивался

в сознание Александра. Перепаханные поля, усеянные телами мертвых и догорающими остовами танков. Петербург, щерящийся на мир черными провалами окон и остовами разрушенных домов, среди которых бродят люди, больше похожие на тени. Афионов кричал, умолял, сам не понимая, кому и что он кричит среди превращенных в дымящиеся руины русских городов, пронесившихся мимо его взора.

В какой-то момент самообладание окончательно оставило его. Он сидел, зажав голову руками и зажмурившись, словно глупый страус, сунувший голову в спасительный песок. Вокруг пронеслись безумные крики, наполненные непредставимой болью, дикий грохот от рвущихся снарядов, визг авиабомб...

— Мама говорит, над городом появлялись самолеты. Но, кажется, просто разведка. Я смогла достать немного мяса. Может быть, хоть сегодня поужинаем по-человечески...

Тихий женский голос, сменивший безумную какофонию, показался Афионову самым прекрасным, что он когда-либо слышал. Пусть даже на японском.

Он сидел прямо посреди пустынной улицы. По обе стороны стояли крохотные японские домики. Рядом с одним из них молодая японка с счастливым видом обнимала солдата. На лице молодого парня застыло мрачное выражение. Вместо правой руки свисал пустой зеленый рукав. Афионов от этого зрелища невольно вздрогнул. Нет, кошмар все еще не отпустил. И штабс-капитан уже понял, ЧТО он сейчас увидит.

— Выпусти меня отсюда! — Заорал он в пронзительное небо, сам не понимая, к кому пытается обращаться, — слышишь?! Выпусти, я...

Мир исчез в мешанине черно-белых полос. Вокруг раскатился надсадный грохот, сменившийся звенящей тишиной — уши Афионова не выдержали удара.

Спустя долгие минуты перед зрением снова проступили очертания мира, погрузившегося в оттенки черного и красно-коричневого. В воздухе крутит хоровод багровый пепел — все, что осталось от японки и ее то ли жениха, то ли родственника. Кажется, все сущее превратилось в выженную, обезображенную землю и носящиеся над ней бесформенные хлопья.

Он метался среди пылающей земли в кромешной тьме, словно грешник посреди преисподней. Рассудок отказал окончательно, уступив место смеси животной паники и бесконечной, бессильной обреченности. Некоторое время спустя среди пышущего жаром пепла начало появляться то, что когда-то было людьми. Обугленные ошметки, потерявшие всякое сходство с человеком, над которыми мрачным исполином поднимался сотканный из белоснежного дыма гриб атомного взрыва.

Грязно-серый потолок и неприятный запах. Где он? Сонное оцепенение схлынуло и Афионов рывком поднялся с кучи тряпья, на котором лежал все это время. С губ сорвалось нечто совсем уж непечатное. Сбоку испуганно ойкнуло.

— Какого?.. — Ничего более умного в голову не пришло.

— Ни хао ма? — Робкий писк откуда-то сбоку. В углу застыла перепуганная крохотная китаянка. Господи, она даже по азиатским меркам мелкая. — Все хоросый?

— Ух... — Кажется, все-таки отпустило. Но как он здесь очутился? Немного подумав, Афионов повторил вопрос вслух.

— Я притасиль, — заулыбалась китаянка. Верилось в это с трудом — новая знакомая вряд ли бы достала ему даже до груди. Тем не менее, поводов проявлять скепсис не было. Судя по сбивчивому рассказу, девушка, звали которую Юнь, нашла едва ли не на

собственном пороге беспамятного офицера и, решив сделать доброе дело, приволокла его в свое неказистое жилище. Как раз передохнула и собиралась бежать за доктором, но Александр успел очнуться.

— Спасибо, сударыня. — Поблагодарил Афионов. Китайка расцвела очаровательной улыбкой.

— Нада доктора, да?

— Не нужно. — С улыбкой ответил офицер. Разве что психиатра, чтобы вколол лошадиную дозу какого-нибудь транквилизатора, добавил он мысленно. Но уж без этой сомнительной радости мы как-нибудь обойдемся.

— А чай? — Сделала вторую попытку девушка. Александр только сейчас сообразил, что та разглядывает его с совершенно детским восторгом.

— Не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством, — попытался он проявить смесь галантности и вежливости. Судя по реакции, заковыристую фразу Юнь не поняла.

— Совсем немного, да?

Афионов, сдавшись, согласился. Китайка что-то радостно щебетала, извлекая из шкафчика небольшой чайник, чашки и прочую утварь. Офицер ее почти не слушал. Слишком уж увлекательное «кино» ему только что довелось посмотреть. Можно сколько угодно сочтаться скепсисом, но, по всему выходит, Макконал все-таки не соврал. Что ж, ему же хуже. Штабс-капитан едва успел взять себя в руки и вернуть на лицо вежливую улыбку. Скорее всего, злобный оскал перепугал бы несчастную девушку до полусмерти. Этого еще не хватало.

Чаем его все-таки напоили, неожиданно душистым и обладающим совершенно чарующим ароматом. А вот попытка растроганного офицера вручить китайке несколько купюр встретила бурю возмущения. Юнь с рассерженным видом тараторила про «надо делать добрый за просто так» и ничего не хотела слышать про деньги. А Александра живьем ел жгучий стыд. Ни в Японии, ни в России такой нищеты не встретишь. Вряд ли девушка каждый день может досыта поесть, не говоря уж о чем-то большем. А тут ей на голову свалился офицер, у которого на месячное жалованье можно десяток таких вот домишек купить, и поглощает и без того небогатые запасы.

Распрощавшись, Александр вышел на улицу в ночную темень. Уличного освещения в этом районе почти не было. Хотя вот именно здесь оно было бы ой как кстати — страшно представить, в какую дрянь можно вляпаться в потемках. Впрочем, после лежания на земле с последующим путешествием в каморку Юнь, одежда пришла в полную негодность. Не офицер, а пугало огородное, ей-богу...

Афионов некоторое время вдыхал ночной воздух, потом потянулся за телефоном.

— Такаги-сан? Есть новости от Мейера? — Поинтересовался Александр, дождавшись ответа.

— Есть, причем крайне паршивые, — ответил после недолгого молчания инспектор. Неужели сбежал?! В животе у штабс-капитана противно заныло. — Эта сволочь сумела покончить с собой.

— Это... поверьте, Такаги-сан, это известие — лучшее, что могло случиться. — В ответ раздалось озадаченное молчание.

— Вам удалось что-то выяснить? — С надеждой поинтересовался инспектор.

— Да. Прошу прощения, коллега, но, боюсь, я не вправе разглашать вам... результаты. Прошу меня понять правильно. — Ни к чему Такаги знать хоть что-то. Совершенно ни к

чему. — Как только представится возможность, я предоставлю всю необходимую информацию кэмпай.

— Благодарю вас. — Судя по тону, инспектор не сильно расстроился. Скорее уж, обрадовался, что одной головной болью в его жизни стало меньше. Счастливым человеком. Афионов поблагодарил и некоторое время задумчиво смотрел на экран смартфона.

Сосредоточенное перебирание контактов прервала мелодичная трель. Кто-то неведомый — номер был незнакомый — и сам не прочь пообщаться со штабс-капитаном.

— Слушаю. — Бросил офицер, ткнув пальцем в символ с зеленой трубкой.

— Добрый день. — Женский голос показался смутно знакомым. — Афионов-сан, вы меня узнали?

— Нет. — Чуть раздраженно откликнулся Александр. Его всегда бесила подобная манера начинать разговор. Трудно, что ли, сразу представиться?

— Кэйко Накано. Мне дал ваш номер консул Шипкин...

Штабс-капитан затаил дыхание, застыв посреди улицы. В голове вспыхнула смутная надежда.

— Память вернулась, сударыня?

В трубке воцарилась напряженная тишина. Афионов неожиданно увидел японку, словно наяву: мертвенно-побледневшая, с закушенной губой. Миловидное лицо окаменело, превратившись в безжизненную маску.

— Да. Что вы знаете? — Голос девушки звенел от с трудом сдерживаемой паники.

— Более, чем достаточно. Ваш знакомый меня проинформировал о том, что вы начудили на пару с Ваневым.

В голове мелькнула судорожная надежда: а ну как собеседница лишь недоуменно уточнит, что именно она «начудила»? И выяснится, что все это не более, чем нелепый розыгрыш.

— Мейер? — Остатки сомнений в голове Афионова жизнерадостно ослабились и испарились, будто утренний туман. Японке неоткуда знать о немце. А раз она о нем все-таки знает...

— Макконал. Андреас мертв.

— Хрен редьки не слаще, — ответила японка русской поговоркой. В юном голосе звучала безнадежная горечь.

— Послушайте, раз уж вся эта блажь оказалась правдой... Американец убежден, что моя осведомленность — приговор этому миру. По крайней мере, в его нынешнем виде. Это правда?

— Да. — Накано мрачно замолчала. — Я потому и позвонила вам, что почувствовала начавшиеся изменения. Так и думала, что вы оказались талантливее, чем надо бы.

Комплимент у японки вышел откровенно невеселым.

— И вы не можете ничего изменить? — С надеждой хватаящегося за соломинку поинтересовался Афионов.

— Я не могу. А вот вы — можете, но...

В трубке опять воцарилось подавленное молчание. Только на этот раз вместо растерянности тишина вызвала у Александра приступ бешенства. Какого черта она тогда тянет эту комедию?

— Я вас внимательно слушаю, сударыня.

Рассвет застал Афонова недалеко от «офиса» якудза. Сделать за минувшую ночь удалось немало. Разбудил Шипкина, в приказном порядке велел опешившему консулу немедленно уничтожить треклятый паспорт Ванеева. Переполошил диппредставительство в Шанхае. Еще раз навестил забавную китайку Юнь, которая теперь в ближайшие сроки получит вид на жительство в России. Ей больше не придется прикладывать титанических усилий, чтобы выжить. В империи, подмявшей под себя добрую половину Евразии, давно забыли о том, что такое нищета. Афонов сам не понимал, зачем устраивает судьбу китайки. Как будто счастливые и неожиданные перемены в жизни девушки как-то изменят сотни миллионов загубленных судеб ее соотечественников, которых штабс-капитан обрекает на жалкое настоящее и горькое будущее.

Добравшись до входа в убежище якудза, Александр требовательно постучал. Обитая железом дверь откликнулась глухим гулом. Затем послышался скрип отпираемого замка. На пороге застыл уже знакомый охранник, ежась под прохладным утренним ветерком. В заспанных глазах мелькнула тень узнавания.

— Чем могу помочь?

— Я хочу увидеть Макконала. — Откликнулся Афонов, пытаясь унять накалившую невесть с чего дрожь.

Японец замешкался. То ли парень туго соображал, то ли не привык принимать решения в отсутствии «старших по званию».

— Идите за мной, — сложил, наконец, головоломку охранник и направился уже знакомой дорогой в в сторону подвала. Около нужной двери он долгое время перебирал ключи, пытаясь в потемках отыскать нужный. Все это время штабс-капитан сохранял ледяное спокойствие. Наконец, заскрипели давно истосковавшиеся по смазке петли. Американец все так же восседал на колченогом стуле.

— Судя по вашему лицу, вы все-таки убедились в моей правоте, — удовлетворенно обронил Макконал. Отчаяния на мерзкой физии как не бывало. Его сменило злобное торжество победителя. На японца он не обратил ни малейшего внимания.

— Убедился. — Коротко кивнул Афонов. Пленник порывался сказать еще что-то, но штабс-капитан не предоставил ему такой возможности. Выстрел громыхнул, словно московская царь-пушка. Американец безвольной куклой опрокинулся на спину. Японец вздрогнул от неожиданности.

— Вы всегда так решаете вопросы, Афонов-сан? — Нервно поинтересовался якудза, глядя как офицер неспешно убирает пистолет в кобуру. На лице Александра не отразилось ни единой эмоции — любой японец обзавидуется.

— С врагами — да, — бросил штабс-капитан.

— Достойно уважения, — растерянно крикнул охранник.

— Спасибо за помощь. — Апатично откликнулся Афонов, пропустив реплику мимо ушей. — Прощайте, сударь.

И, бросив последний взгляд на тело американца, превратившего его в живую мину замедленного действия, пошел прочь.

Равнодушные морские волны прокатывались под причалом, переливаясь солнечными бликами. Александр сидел на прохладном камне пирса, свесив вниз ноги и глядя в пучину, которая только что поглотила злополучный планшет. В груди покальвала неприятная досада — полночи он пытался сочинить письмо семье, но в голову так и не пришло ничего путного.

Писанина казалась то чрезмерно сентиментальной, то, наоборот, наполненной нездоровой патетикой и нелепым пафосом. В итоге вместо письма получилось что-то вконец неудобоваримое. Ну и к черту. Ладно хоть, вообще получилось.

Главное, что и жена, и дети все-таки появятся... появились на свет. И произошло это в стране, где людям не приходится каждый день бороться за выживание. А узнают ли о том, что Императорской Охранной Канцелярии штабс-капитан Афионов остался верен присяге — это уже дело десятое.

Криво усмехнувшись, Александр вытащил пистолет и, приставив его к виску, нажал на курок.

Эпилог

Виктор беспомощно глядел на подавленную японку. Кэйко последние десять минут занималась методичным помешиванием давно остывшего кофе. Крохотная ложечка выбивала тихие перезвоны из фарфоровой чашки, мерные, словно тикающий маятник.

— Витя... Мне страшно.

Парень, вздохнув, прикоснулся к узкой ладони японки, которая показалась ему обжигающе-ледяной. Девушка в ответ выдавила подобие улыбки.

С самого утра, когда они покинули здание вокзала, с лица возлюбленной не сходило совершенно затравленное выражение. Хиросима, в которой родилась и выросла Кэйко, не имела ничего общего с тем городом, в котором они оказались.

И теперь они сидели в одном из многочисленных городских кафе и пытались освоиться в этом новом мире. В одночасье окружающая реальность стала чуждой и непонятной. Виктор, как мог, пытался отвлечь японку от невеселых мыслей, но получалось так себе. Может быть, потому, что он и сам никак не мог выгнать из головы далекую Волгу, на берегах которой раскинулся Царицын. Утопающий в зелени город, где никогда не будет построена «Родина-мать». Вместо колоссального монумента, среди трехэтажных опрятных домиков уютно расположилась гостиница «Галиция». На улице, названной в честь генерала Чапаева, первым ворвавшегося на улицы Берлина.

— Жизнь продолжается, да? — на губах японки появилась, наконец, робкая улыбка. Похоже, она все-таки оправилась от потрясения. И, наконец, обратила внимание на стоявшую прямо перед носом чашку. После первого же глотка Кэйко скорчила недовольную гримаску.

— Остыл?

— Угу. А ты-то чего смотришь букой? — Девушка потянулась было за многострадальной ложкой, но, повертев ее в руках, сунула обратно в чашку.

— А я за компанию, — отшутился Виктор. — Да и ночью снилось черт-те что.

Приснился ему цесаревич Николай, которому так и не пришлось стать Самодержцем Российским. Несостоявшийся император долго смотрел на Виктора тяжелым взглядом, полным горечи. В молчании убитого наследника сквозила безнадежная обреченность. И, лишь когда тишина стала совсем уж невыносимой, цесаревич, наконец, нарушил безмолвие, сказав всего одно слово:

— Спасибо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net